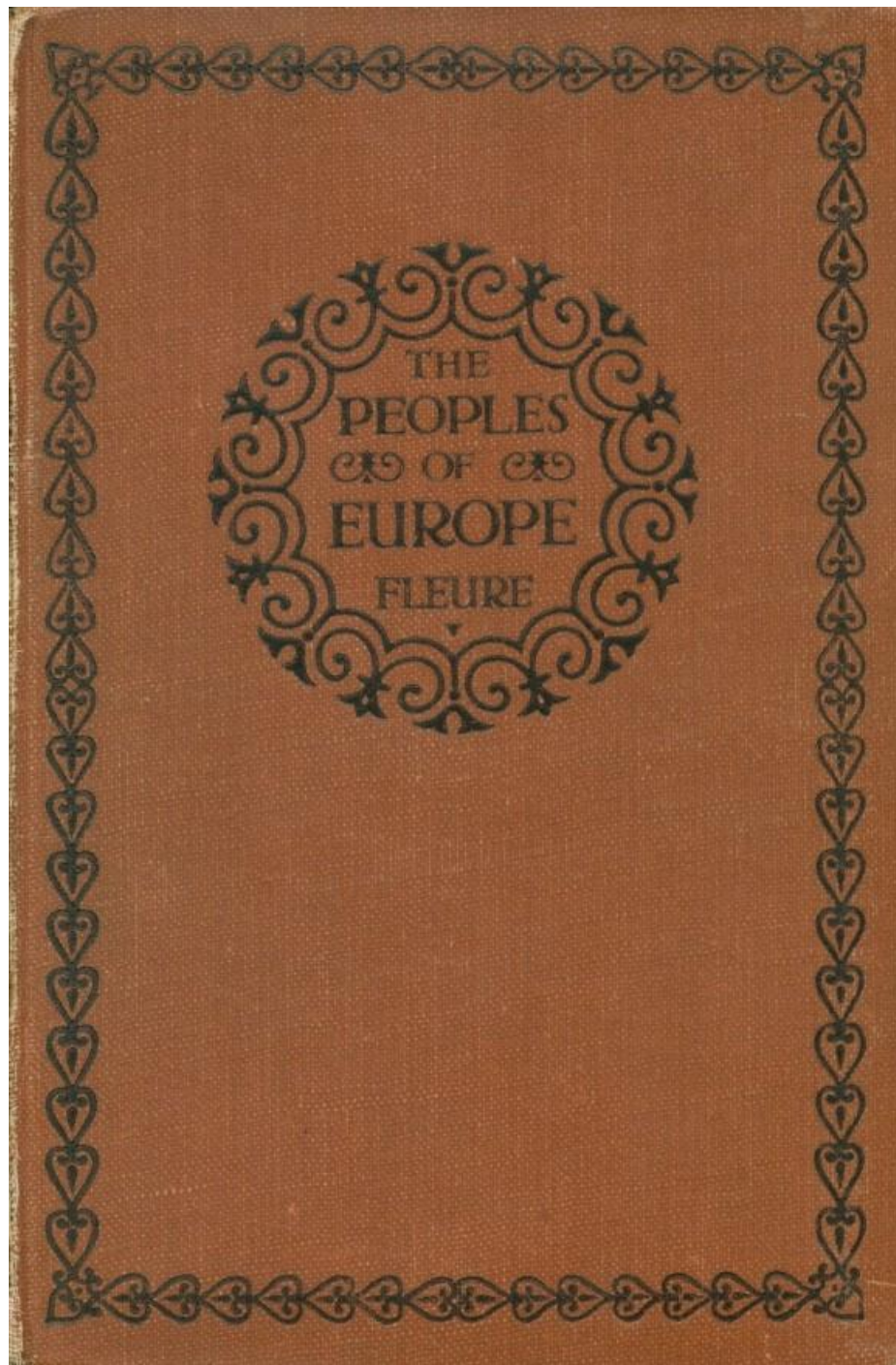

Народы Европы

Г. Дж. Флер

The Project Gutenberg eBook of The peoples of Europe.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями Лицензии проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Народы Европы

Автор: H. J. Fleure

Дата выхода: 18 июля 2022 [eBook #68562]

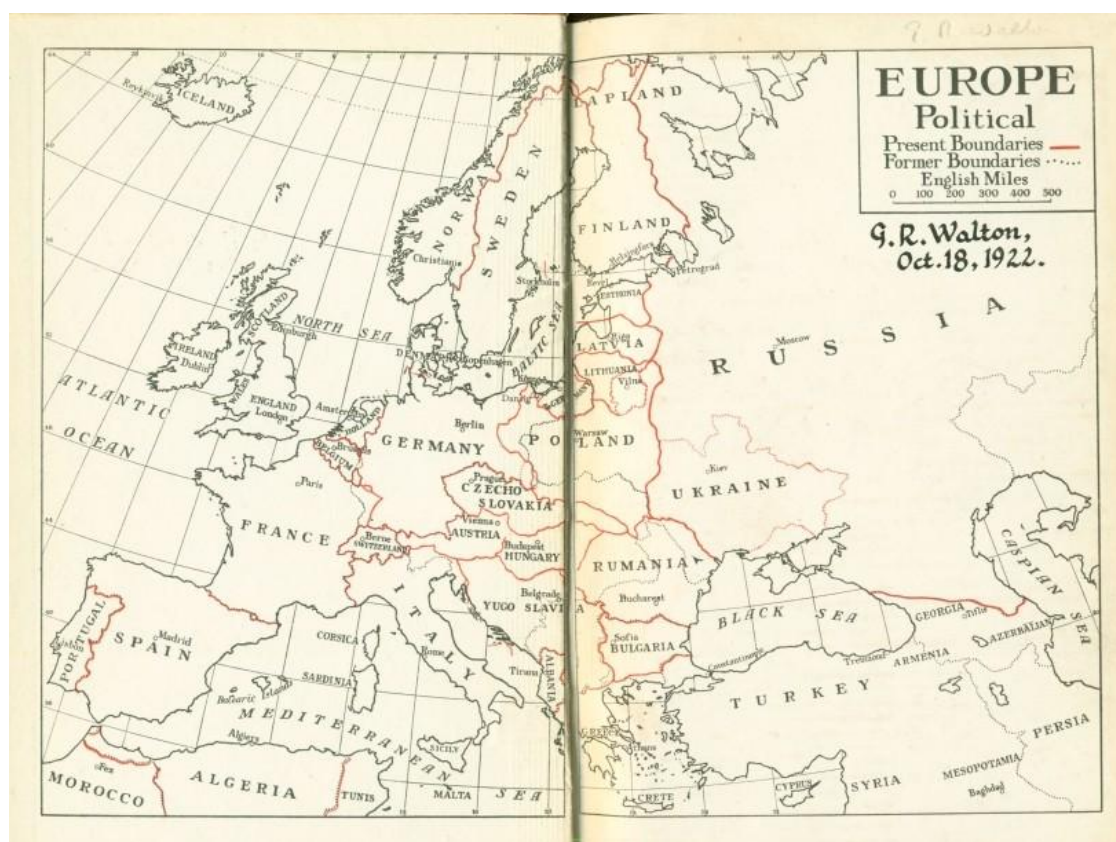
Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: Великобритания: Oxford University Press, 1922

Кредиты: Эл Хейнс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА НАРОДЫ ЕВРОПЫ ***

НАРОДЫ ЕВРОПЫ

BY HERBERT JOHN FLEURE, D.Sc.

ПРОФЕССОР ГЕОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ
КОЛЛЕДЖ УЭЛЬСА
ПОЧЕТНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

ЛОНДОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ХАМФРИ МИЛФОРД

1922

Издательство Оксфордского университета

*Лондон Эдинбург Глазго Копенгаген
Нью-Йорк Торонто Мельбурн Кейптаун
Бомбей Калькутта Мадрас Шанхай*

Хамфри Милфорд Издатель УНИВЕРСИТЕТА

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

1. "Расы
2. Языковые семьи - вводная часть

3. Народы романской речи
 4. Народы германской речи
 5. Некоторые народы, занимающие промежуточное положение между романскими и германскими языками
 6. Народы нижненемецкой и скандинавской речи
 7. Народы на восточной границе Европы-моря
 8. Славяноязычные народы и границы Востока
 9. Некоторые этапы эволюции европейской жизни до промышленной революции
 10. Аспекты современной Европы
- Библиографическое примечание

ВВЕДЕНИЕ

Если есть хоть доля истины в том, что наши философские теории вырастают из наших обстоятельств, то не приходится сомневаться, что философия перемен, иногда оптимистично называемая прогрессом, удивительно подходит Европе. Тесное соседство небольших территорий гор и плато, рек и морей, долин и равнин умножило контакты между людьми разных занятий, опыта и мировоззрения, что способствовало не только обмену идеями, но и брожению мысли. В экономическом плане тенденция всегда была направлена на взаимную зависимость, а проникновение внутренних морей далеко на континент еще больше способствовало общению с далекими временами. Самодостаточное сообщество, предоставленное самому себе, превращается в рутину и может в ней застыть; внешние контакты очень важны, так как они могут предотвратить эту опасность. С другой стороны, не стоит забывать, что эти контакты могут оказаться губительными, разорвав нити традиций, развивающихся в направлении более полного осознания хорошей жизни. Так, социальный импорт во многие регионы Средиземноморья во времена роста римского владычества происходил путем завоевания с последующей транспортировкой поработанных пленников, что приводило к печальным последствиям как для Рима, так и для рабов. Или же стремительный рост британской торговли в эпоху промышленной революции привел к появлению множества новых контактов, которые, как и в случае с Римом задолго до этого, способствовали эксплуатации в широких масштабах, и истории фабричных детей Англии и рабов Америки стали печально похожи на истории рабов Древнего Рима. В обоих случаях потеря социального и интеллектуального наследия, связанная с этими уродливыми схемами, полна роковых последствий, которые проявились в случае Рима и, возможно, проявляются в случае Британии. Контакты и ассоциации без чужеродных доминант, будь то личные или региональные, в любом случае имеют огромную ценность как освежающие средства, и Европа имела беспрецедентные возможности в этом направлении.

Но Европа, как она известна в современной географии, не является эффективной человеческой единицей. В некотором широком смысле она становится таковой, если мы добавим к ней значительную часть Юго-Западной Азии и Северной Африки, так что в нее войдет все Средиземноморье, Эвксинский бассейн и Каспий. В более реальном и детальном смысле, однако, мы должны быть осторожны, чтобы отличить ту часть, которая тесно связана с морем, от той, которая в первую очередь является порогом великого интерьера.

Европа, расположенная к западу от Припетских болот, редко страдает от сильной жары, а зимние морозы здесь менее суровы и продолжительны, чем в Московии. Температура к северу и западу от Альп колеблется в достаточной степени по обе стороны от оптимума в 60°-64° F., чтобы обеспечить желательные физиологические стимулы, и лишь короткие и нерегулярные периоды, когда условия действительно вредны. Русская равнина за Припетскими болотами, напротив, подвержена болезненным крайностям, которые серьезно ограничивают эффективность человека зимой и летом и оставляют ему лишь короткие периоды весной и осенью для эффективной свежести и предприимчивости. Вследствие этого Западная Европа, или мы можем назвать ее Европой моря, демонстрирует непрерывность деятельности в течение смены времен года, непрерывность мысли и критики, которая оказывает мощное влияние на правительство и социальный порядок, в то время как море, как уже говорилось выше, способствует контактам и поддерживает движение вещей. В Европе Моря, по крайней мере, там, где мы не сталкиваемся с вышеупомянутыми плохими последствиями чужеземного господства, мы видим, что между вождями-воинами и рабочими, торговцами и профессиональными людьми или средним классом развилась власть и действовала как цемент для общества, с одной стороны, и как организаторы для его поддержания, с другой. Испания (с ее долгой борьбой между христианством и исламом), Ирландия (под английским владычеством), Балканы (под владычеством одного доминанта за другим и, наконец, под властью турок) - все они демонстрируют исторические запреты, которые задерживали и препятствовали здоровому развитию общества, свободного работать для более полной реализации хорошей жизни. Следует отметить, что было предпринято множество попыток, некоторые из которых были успешными и все ценными, обеспечить реальное участие народа в решении проблем социальной организации, реальное освобождение от запретов, связанных с управлением со стороны навязанного класса или группы. Несмотря на трудности нынешнего поколения, тенденция такова, что эти попытки набирают силу и масштабы и переступают искусственные границы нации и государства, которые становятся прокустовым ложе для народов Европы.

С другой стороны, к востоку от Припетских болот длительные периоды сурового климата, регулярно наступающие зимой и летом, ограничивают для людей, вынужденных жить незащищенной жизнью, возможности эффективной бдительности и критики, с помощью которых поддерживается работа западноевропейских организаций. Существует настоятельная потребность в рутине традиции, на которую можно опереться в эти стрессовые времена. Кроме того, страх перед племенами, живущими на пастбищах, склоняет людей к традиционной организации в качестве военачальников и рабочих, а удаленность от моря уменьшает торговлю и средний класс и помогает поддерживать локализм, который, в свою очередь, укрепляет рутину. Таким образом, мы видим, что средний класс в основном иммигрантский и чуждый военному и рабочему классам, что еще больше усложняет проблемы социального развития и организации.

Таким образом, Европа, восток и запад, демонстрирует поразительные контрасты, которые имеют роковые последствия; есть также важные контрасты между севером и югом. Широты большей части Европы таковы, что солнечные лучи падают на почву слишком косо, чтобы

химически воздействовать на нее с достаточной скоростью, чтобы разлагать свежий материал для роста растений так же быстро, как растения его используют. В Средиземноморском регионе это едва ли возможно, но в некоторых частях возможности почвы очень безразличны, так что наш контраст скорее между Европой и тропиками, чем между севером и югом Европы, хотя это ценная подсказка для многих различий между немецкой равниной и Парижским бассейном. В целом мы можем сказать, что наша широта сделала действительно независимое сельское хозяйство почти невозможным для Европы, и мы отмечаем в качестве иллюстрации, что Богемия печально страдает из-за невозможности импортировать иностранные удобрения в 1914-18 годах. Проблема снижения плодородия вновь и вновь настойчиво звучит в европейской жизни и, с одной стороны, подталкивает людей к сельскохозяйственным экспериментам, а с другой - к торговле как дополнительному источнику богатства. Контраст между Европой и многими частями Китая в этом отношении представляет собой выгодное исследование, если мы не будем преувеличивать, как это часто делается, предполагаемый застой Востока.

Из торговли людей Европы заманили в крупномасштабную промышленность с применением угля, нефти, воды и различных других видов энергии в огромных количествах. Возможности для доминирования и, соответственно, эксплуатации, которые это принесло, роковым образом отражаются на всех нас во многих видах вредных контактов, нуждающихся в гуманизации, если мы хотим сохранить ситуацию для наших детей.

Процесс перемен, как мы понимаем, продвигается быстрее и дальше на западе, чем на востоке Европы, который движется вперед под давлением жестких запретов, из-за которых его проблемы отличаются от наших собственных. Временами мы свысока смотрим на дикие пути Восточной и Юго-Восточной Европы, забывая о том, что во многих отношениях, таких как выставление отрубленных голов, о котором недавно говорили на Балканах, мы не так давно были, по крайней мере, такими же дикими, какими они кажутся сейчас. Но мы также должны избегать мысли о том, что они просто отстают от нас на несколько шагов на пути, по которому мы все идем; такое представление о человеческой эволюции как о шествии по тропе ошибочно и очень обманчиво. Мы должны прийти к более широкому взгляду, который рассматривает Восточную Европу не как неразвитый Запад, а как многообразие.

На нашем изменчивом континенте мы можем таким образом проследить одну из самых разнообразных и опасных историй человечества, историю с трудом одержанного триумфа над серьезными препятствиями, триумфа, сохранявшегося некоторое время перед лицом серьезных угроз, которые никогда не прекращались. Эта история подводит нас к осознанию шаткости положения Европы в качестве промышленного и административного лидера, с ее последствиями конфликта и неустроенности, которые заставляют наших китайских друзей думать о нас как о "Белой угрозе".

Мы можем изучить наше физическое расовое происхождение и увидеть, как каждый современный европейский народ состоит из умеренно разнообразных элементов, которые, вероятно, приобрели некоторые из своих нынешних характеристик во время заметных изменений климата и возможностей, сопровождавших отступление ледников в конце великого ледникового периода в Европе, и развивали их дальше с изменением местоположения и возможностей в последующие времена. Мы можем увидеть, как бы издавна, факты, которые будут более понятны ученым лет через пятьдесят, факты менделеевского наследования физических качеств, ведущие, с одной стороны, к сохранению типов, очень мало изменившихся даже за тысячи лет, а с другой - к сочетанию разнообразного наследия из многих источников, превращая индивидуума во многих случаях в мозаику характеристик различных предков.

Мы можем изучить языки и религии европейских народов и увидеть, что в те времена, когда письменность и рынки еще не стали характерными чертами местной жизни, языки менялись, хотя и медленно, распространяясь волнами цивилизации, имея лишь подчиненное отношение к волнам расового типа. И если языки распространялись волнами цивилизации, то в вопросах религии это происходило в еще большей степени, хотя народные традиции обладают удивительной способностью возрождаться, что приводит к локальной адаптации религиозных течений раз за разом.

Наконец, мы можем изучить экономическую деятельность и проследить ее влияние в волнах, сила и направление которых зависят от расовых фактов, поскольку темперамент, несомненно, связан с физическим типом, но в большей степени определяются языковыми распределениями, поскольку разница в языке является таким препятствием для экономического взаимодействия, по крайней мере на ранних стадиях. На более поздних этапах, с использованием угля и пара, международная паутина сплетается все теснее и тоньше, и это, к сожалению, усугубило катастрофу, вызванную разрывом из-за неуклюжести политиков в годы, предшествовавшие 1914 году.

И на протяжении всего процесса эволюции рас, языка, религии и промышленности мы можем проследить социальную жизнь европейских народов и развитие ее организации и ее выражения в ответ на эти процессы эволюции. В то же время мы должны видеть, как она влияет и отражает изменения, которые постоянно происходят в окружающей среде Европы благодаря изменениям климата, подъему и опусканию суши, расчистке лесов и осушению болот человеком, развитию коммуникаций и другим результатам труда человека.

1

Расы

Человеческое разнообразие достаточно глубоко, чтобы сделать идею "европейского человека" простой абстракцией; мы должны думать скорее о "европейских людях" и изучать этот широкий факт, всегда помня о нем, понимая, что русские и мы сами не должны рассматриваться как различные ступени одной лестницы, и что единство, которое, несомненно, пытается вырасти в Европе, должно быть единством в разнообразии с сопутствующим ростом образования в терпимости и широте оценки.

Поскольку физические расовые факты можно утверждать, что они в значительной степени очень древние, будет хорошо начать наш обзор с них, но для наших целей можно пренебречь разрозненными фактами, которые до сих пор были установлены о европейских людях в дни до завершения последней крупной фазы (вюрмской фазы) ледникового периода. От следующего за ним периода улучшения климата (ауриньякского) мы имеем несколько человеческих скелетов, которые демонстрируют наличие уже в то раннее время

различных физических типов. Один тип, известный по двум скелетам из Гримальди (нижний Ауриньяк), а также по более поздним останкам, демонстрирует особенности рта и носа, а также очень длинный и высокий череп, которые относят его к типам, ставшим специализированными негроидами различных видов в Африке, но не обязательно имевшим выраженные негроидные черты вначале. Другой тип, также обладающий очень длинным и высоким черепом, известен по нескольким скелетам (Brunn, Brux, Combe Capelle и т.д.), из которых наиболее известен скелет из Brunn. Можно не сомневаться, что этот тип с его сильными бровями, глубоко посаженными низкими глазами, выступающими по бокам скулами, широким носом, выступающей верхней челюстью и темной окраской является элементом современного населения отдаленных мест в некоторых частях приморской окраины Европы в наши дни, и был важным элементом (независимо от его окраски) среди людей из "курганных" захоронений, столь многочисленных вдоль границ южнорусской степи. Мы также не можем больше сомневаться в том, что этот тип, модифицированный со временем, был важным элементом в эволюции современных европейских пород. Загадочным остается третий тип, представленный скелетом кроманьонского старика с высоким ростом и довольно длинной головой, которая, однако, не была очень высокой или гребневидной. Нос был более узким, но глаза располагались низко, а челюсти и скулы были очень сильными. Этот вопрос запутался из-за частого применения термина "кроманьонский тип" ко всем вышеперечисленным без разбора, в основном на основании длинной головы, и это иногда затрудняет выяснение того, что на самом деле имеют в виду авторы, когда говорят о выживших представителях кроманьонского типа в современных популяциях. Однако, судя по тщательным описаниям Коллиньона, нет никаких сомнений в том, что и кроманьонцы, и комбе-капельцы сохранились в районе Дордони в Центральной Франции, и кажется вероятным, что первые, как и вторые, также сохранились, по крайней мере, на севере Пиренейского полуострова.

Как бы то ни было, представляется очевидным, что народы Европы в ауриньякский и последующие века (солютрейский и магдаленский) были длинноголовыми, с разнообразными сопутствующими признаками, которые можно встретить и в наши дни. Это были эпохи периодического отступления ледяных щитов, которые на протяжении многих веков делали Европу столь негостеприимной для человечества, но в конце Магдаленской эпохи снеговая линия окончательно поднялась по склонам гор до уровня, близкого к современному, и горные регионы стали доступны для начала заселения человеком. Приход широкоголовых людей, вероятно, из Малой Азии, тогда менее разделенной с Европой, характерен для этого периода изменений, и горная ось Европы с тех пор была регионом широкоголовых людей, разделяя провинции длинноголовых людей на севере вокруг Балтики и (некоторое время) в России, и на юге вокруг западного Средиземноморья, затем становясь все более отрезанной от тропической Африки из-за наступления пустынных условий, вместо пастбищ, в том, что мы теперь называем Сахарой.

Длинноголовые люди вокруг Балтики и в ранней доисторической России со временем стали так называемой нордической расой, а люди вокруг западного Средиземноморья, с родственными элементами на Эгейских островах, - средиземноморской расой. В обоих случаях они включают в себя выживших представителей типа Комбе-Капелле, а в последнем случае, по крайней мере, некоторых представителей типа Гримальди, и оба они по-прежнему длинноголовые, хотя в обоих случаях произошло общее, хотя и небольшое, округление головы, так что она стала менее длинной и узкой, чем в ранние времена. На прохладном и пасмурном севере при длительном пребывании под открытым небом половая зрелость наступает поздно, рост продолжается долго, мускулатура и сопутствующая ей грубость костей сохраняются и даже развиваются, нос становится длинным и узким, а вместе с ним

удлиняется и лицо, цвет кожи становится светлым. На солнечном юге оседлая жизнь ведется издавна, и половая зрелость наступает рано. Рост продолжается не так долго, мускулатура менее развита, тенденция к гладкости костей, нос и лицо умеренные, окраска довольно темная.

Провинции нордической и средиземноморской рас широко разделены горной зоной в Центральной Европе, но на западе они переходят друг в друга, и здесь старый длинноголовый тип не стал ни чисто нордическим, ни чисто средиземноморским. Особенно в Британии, бывшей в прошлом убежищем у берегов Европы, заметно сохранились ауриньякские типы, и это еще более заметно в Ирландии. Основная масса населения наших островов - длинноголовые и промежуточные по характеру между двумя дифференцированными расами, высокие, худые и смуглые в некоторых частях Шотландского нагорья и Северного Уэльса, низкорослые и почти средиземноморские в некоторых частях Южного Уэльса и Ирландии, и "промежуточные" почти везде. Вероятно, почти в каждой сотне, не говоря уже о каждом приходе, Британских островов есть примеры этих промежуточных типов, а также, разумеется, нордиков за счет иммиграции из Скандинавии и Прибалтики.

Широкоголовые, проживающие на горной оси Центральной Европы, технически называются альпийской расой. Их отличает плотная комплекция, довольно прямые русые или каштановые волосы, серые или карие глаза, часто сухая беловатая кожа, короткое лицо, умеренный нос, иногда сильно выступающий вперед. В Иллирийских Альпах и в Карпатах, а также в южной части Припетских болот до самой Московии, эта порода часто высокая и темная. В Швейцарских и Французских Альпах она довольно короткая и коренастая. На Балканском полуострове она часто характеризуется уплощением затылка на очень высокой и короткой голове; на западе тенденция скорее к общему округлению головы.

Из вышесказанного интересно отметить, что основные факты распространения расового типа в Европе, вероятно, относятся к началу неолита, периоду окончательного отступления великих ледниковых щитов. В последующие эпохи, вероятно, происходила определенная модификация расовых типов, но основные факты распределения человеческих запасов в Европе устоялись уже в то раннее время.

Следует кратко остановиться на некоторых модификациях этой схемы.

Старые длинноголовые запасы степной границы на юге России, вероятно, все еще составляют элементы смешанных казачьих популяций, но распространение широких голов как из карпатских предгорий, так и из азиатских степей сильно изменило средний тип. Азиатские широкоскулые люди с большими скулами и тунгусскими (часто называемыми монгольскими) глазами также давно занимают арктическую границу России, как саамы, самоеды и т.д., и, смешиваясь с нордиками, образуют финскую популяцию. Иногда говорят, что их черты можно различить в отдельных особях вплоть до восточной стороны Балтики и Восточной Пруссии; их, конечно, можно найти в готландцах и даже в шведах. В итоге длинноголовый тип не является доминирующим элементом в России, за исключением, возможно, некоторых частей некогда балтийских губерний, то есть новых Балтийских государств.

Линия, по которой холмистые массивы Центральной Европы спускаются на европейскую равнину, простирающуюся от Ипра до Урала, во многом обозначена в европейской жизни. Недалеко от нее проходит главная линия европейских угольных месторождений - важнейший фактор современности. Это линия биржевых городов с древней славой. Рядом с ним находится пояс лёсса, то есть рыхлого, выдуваемого ветром материала, отложенного здесь в

межледниковые периоды ледникового периода, настолько мелкозернистого, что он не способствует и никогда не способствовал росту деревьев, хотя и ценен для возделывания. Лёссовый пояс, благодаря своей свободе от лесов, имел естественное значение как линия передвижения раннего человека, а также как линия раннего заселения, и лежал между провинцией длинноголовых (нордиков) и провинцией широкоголовых (альпийцев). Повсюду здесь встречаются и уже давно встречаются породы, происходящие от тесного смешения нордических и альпийских пород.

Общий факт заключается в том, что форма головы происходит от альпийской, и она широкая, но окрас чаще всего наследуется с другой стороны, и поэтому он обычно светлый. Существует множество разновидностей с отличительными чертами лица и других признаков, но общий факт заключается в том, что южная зона европейской равнины, где два вида имели много дробных контактов (контакты небольших групп) на небольших расчистках лесов, которые росли в неолитические времена, является регионом альпийско-нордических видов, которые распространились в Британию и через дунайские разрывы на Балканы, а также во многих других направлениях.

На южной стороне горной оси смешение и промежуточность менее заметны, поскольку здесь не было таких возможностей для смешения небольших групп. Широкоголовые, однако, распространились вниз по склону и занимают большую часть Северной Италии. На Пиренейском полуострове они менее значимы; Балканский полуостров является и, вероятно, был их родиной с ранних времен. Широкоголовое поголовье с ярко выраженной темной окраской и часто массивным телосложением встречается на прибрежных участках то тут, то там вдоль берегов Средиземного моря и на побережье Западной Европы. Оно составляет значительный процент во многих прибрежных сообществах и почти наверняка состоит из выживших искателей и торговцев рассвета бронзового века и некоторых более поздних периодов.

Этих нескольких ссылок достаточно, чтобы проиллюстрировать, каким изменениям подверглось раннее и фундаментальное расовое распределение; их можно свести к утверждению, что широколобость в целом распространилась вниз по склону и все больше ограничивает длинноголовость окраинами Европы. Это произошло не столько за счет простого замещения населения, сколько благодаря биологическому преимуществу доминирования над длинноголовостью во многих случаях смешения. Тем не менее, было определенное распространение людей с широкой головой на Русской равнине, а также множество перемещений народов, о некоторых из которых мы получаем упоминания в ранних главах письменной истории.

2

Языковые семьи - Введение

Языки европейских народов в значительной степени сгруппированы в кельтскую, романскую, тевтонскую и славянскую семьи, все из которых имеют достаточно схожие

черты, чтобы вместе с санскритом быть классифицированными как индоевропейские или, если использовать широко оспариваемый термин, арийские. Азиатские иммигранты в Европу, как в арктических регионах, так и в степях Южной России, принесли с собой азиатские языки, которые смогли сохраниться вплоть до запада Лапландии, Финляндии, Эстонии и Венгрии, но их недостаточно, чтобы повлиять на общее утверждение.

Предварительная родина индоевропейских языков обсуждалась почти *до тошноты*, и до сих пор этот вопрос остается настолько нерешенным, что нецелесообразно заново обсуждать, была ли эта родина в азиатской степи, в горах и плоскогорьях от Малой Азии до Гиндукуша, на луговых границах Южной России или где-то вблизи Балтики.

Во всяком случае, представляется, что эти языки возникли не в Средиземноморье и что языки этого региона в доклассические времена имели другие родственные связи. Минойский, этрусский и т. д. языки до сих пор не расшифрованы. Если классические языки пришли в этот регион извне, то, скорее всего, они пришли с севера, где находятся родственные языки, которые точно не пришли из Средиземноморья.

Единственный язык, который в Западной Европе является более древним, чем языки индоевропейской семьи, - это баскский, на котором до сих пор говорят в западных Пиренеях и вблизи них. Однако было бы ошибочно говорить о баскской расе, поскольку физические типы к северу и югу от Пиренеев преимущественно более широкие и длинноголовые соответственно. Образованные люди в стране басков говорят на французском или испанском в дополнение к родному языку, и баскский язык, таким образом, перенял много слов от своих соседей; у него очень мало литературы, и он внес крайне незначительный вклад, насколько известно, во французский и испанский языки. Его родственные связи совершенно неизвестны, хотя подозревается родство с языками бронзового века Средиземноморья, и высказывались предположения о родстве с языками Северной Африки.

Из индоевропейских языков, по общему мнению, литовский - самый примитивный из сохранившихся в Европе и, возможно, самый примитивный из всех.

Это может означать, что Литва находится недалеко от древней родины этих языков, но более вероятно, что старые формы сохранились здесь потому, что это лесная страна, отгороженная от больших дорог человеческого движения огромными болотами Припета к югу от нее. Это такое же подходящее место для "убежища прошлого", как и любое другое место в Европе. Леттиш - родственник литовскому, но летты давно ведут активную торговую деятельность, а их язык избавился от архаизмов и многое заимствовал из славянских языков. Прусский язык в настоящее время полностью вымер. Мейер описывает эту небольшую группу как балтийскую; она относится к славянской семье. Другие авторы дают более строгое название - леттский. Албанские диалекты в Иллирийских Альпах - еще один древний сохранившийся язык с неизвестным, но несомненным индоевропейским родством, а также со значительным романским элементом.

Албанский и летто-литовский языки - четыре великие семьи индоевропейских языков, классическая и романская, кельтская, тевтонская и славянская, должны были стать отдельными до времен Римской империи, и уже тогда должны были развить различные формы в своих различных областях. Классические языки, по-видимому, попали в Грецию и Италию с севера; как и когда, мы не будем пытаться рассуждать. Кельтские языки, на которых сегодня говорят представители различных и смешанных расовых групп на самой западной окраине Франции, Британии и Ирландии, включают в себя две группы, одна из которых по

использованию звука *q* и другим особенностям считается довольно близкой к корневому языку латыни, в то время как другая часто использует *p* вместо *q*.

Археологи обычно предполагают, что *q*-кельтские языки, на которых говорят в некоторых районах Ирландии, острова Мэн и Шотландского нагорья, распространились на запад из Центральной Европы вместе с людьми с листовидным (бронзовым) мечом около 1000 г. до н. э. Мнение Циммера и Куно Мейера о том, что *q*-языки попали в Ирландию через Францию, не затронув Британию, сейчас считается менее вероятным. Кельтские языки *p* почти повсеместно связывают с захватчиками Британии в доримский железный век (период Ла-Тене). То, что эти люди занимали юго-восток Британии в значительной степени, не вызывает сомнений, и весьма вероятно, что их физический тип гораздо более характерен для современной английской равнины, чем для любой части Уэльса, за исключением, возможно, долины Северна. И все же именно Уэльс говорит на *p*-кельтском языке, который, возможно, дошел до него в римские времена, в то время как долина Северна и английская равнина перешли на английскую речь. Таким образом, мы видим, насколько нецелесообразно говорить о языковых группах как о расовых группах.

Балтийские или леттские и кельтские языки - это, по сути, пережитки древности, представляющие большой интерес и ценность как сохранившие элементы, которые в противном случае были бы утрачены с течением времени, но имеющие неопределенное будущее, поскольку никто не может сказать, в какой степени на них будут говорить через несколько веков. Иначе обстоит дело с романскими, тевтонскими и славянскими языковыми семьями; они являются несомненным достоянием народов различных регионов на многие века вперед, и нам будет полезно попытаться понять, как это произошло.

Каково бы ни было их происхождение, классические языки распространились на юг, в Средиземноморье. Греческий язык распространялся далеко и широко благодаря торговле и движениям, признаком и фактором которых стал поход Александра в Индию. Рим собрал в себе общее наследие античности, к лучшему и худшему, и связал его с латинским языком, который стал в некотором роде лингва франка в пределах римского владычества, так что он оказал глубокое влияние не только на язык Галлии, но и на язык Британии (*p*-кельтский язык). Власть латыни была настолько велика, что из нее незаметно возникли более современные языки - португальский, испанский, каталанский, итальянский, провансальский и французский, оставив в более отдаленных местах такие древние формы, как валлонский, романский, ладинский и фриульский. Их появление стало событием Средневековья, хотя привычка использовать латынь для научных целей сохранялась гораздо дольше. В более ранние времена языки, очевидно, были более подвижными. Валлонский язык - это практически французский с латинскими и кельтскими элементами, более сильными, чем в парижском, и мы почти не сомневаемся в латинизации и последующей галлицизации народа, ранее говорившего на кельтском языке. Но со времен Средневековья языковые границы практически не двигались.

Такая фиксация языка обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, если жители деревень, начинающих завоевывать леса, могут быть слабыми и изолированными, подверженными быстрой смене господства и культурных отношений, то процесс более тесного расселения сближает их друг с другом, во всяком случае, на небольших территориях, и дает языку гораздо большую власть над большим количеством людей.

Во-вторых, более тесное расселение обычно подразумевает развитие рынков, которые в некоторых случаях заменяют сезонные ярмарки, достаточные во времена меньших

потребностей и меньшего количества населения. А рынок с его оседлым населением из торговцев и юристов становится языковым центром. Вместе с этим происходит и некоторое развитие коммуникаций или, по крайней мере, их использования, а также возможность выхода языка за рамки простого локализма. Крестоносцы, пилигримы, студенты и менестрели Средневековья должны быть в памяти студента в этой связи.

В-третьих, развитие искусства письма и его более широкое использование являются важными факторами закрепления языка, и с этим связано развитие устоявшейся правовой системы.

Эти моменты следует иметь в виду, пытаясь понять эволюцию современного распределения языков, принадлежащих к трем великим семьям, - эволюцию, которая в значительной степени произошла после падения Римской империи.

3

Народы романской речи

Можно сказать, что Рим собрал наследие античности и передал его в ту часть Европы, которой управляла империя, оказав глубокое влияние, по крайней мере на время, на интимную жизнь, а значит, и на язык людей во всех частях, в которых он застал людей, еще не привыкших к письменности.

В Эгейском море греческий язык был уже давно распространен, и в результате общения из вариантов и диалектов прежних времен сложился единый язык; поэтому латынь не навязывалась, и модифицированный греческий сохранился до наших дней, с тем серьезным ограничением, что письменный язык сильно отличается от разговорного, и поэтому жизненная сила литературы значительно снижается, а жизнь народа тем самым задерживается.

Часто замечали, что в то время как латынь распространилась далеко и широко от Рима до Португалии, Рейна и Румынии, греческий язык не распространился или, по крайней мере, не сохранил большинство своих временных ареалов от Эгейского моря.

Причины этого, несомненно, многочисленны, но среди них можно отметить, что распространение из Эгейского моря вряд ли могло происходить в регионах, только что открытых для сельскохозяйственного заселения, и что распространение латыни было связано с распространением большой схемы коммуникаций и правовой организации. Опять же, следует осознать локализм, который был так глубоко укоренен в греческом чувстве, и противопоставить его знаменитой идее "Civis Romanus". В соответствии с этим мы, естественно, обнаруживаем, что Восточная церковь перевела священные книги на славянские языки, в то время как Западная церковь настаивала на латыни, что имело самые серьезные последствия для современной Европы. Мы также должны помнить о постепенном

оттеснении греческого региона исламом в то время, когда на западе из латыни вырастали языки, так что греческая основа не имела ничего похожего на экспансивную силу латинской.

Факты физической географии оказали значительное влияние на развитие романских языков на основе латыни. Империя простиралась до Дуная и Рейна и над английской равниной. Она владела Уэльсом и некоторое время Южной Шотландией, но не владела теми регионами, где кельтский язык сохранился в гэльской форме. Доказано, что власть Рима над Британией была менее тесной, чем над Галлией, где произошла значительная романизация ведущих классов, а романизованная городская жизнь закрепились на юге на все последующее время. Фрагменты свидетельств из Силчестера и других мест показывают, что латынь широко использовалась в городской жизни, и поэтому ее лексика проникла в язык паганов или крестьянства, а валлийский язык и по сей день хранит множество следов этого контакта с латынью. Но страна с заметными различиями в речи между крестьянами и горожанами слаба в языковом отношении, и англосаксам помогло распространение их языка, когда они прибыли сюда после того, как римляне утратили свою власть и многие романо-британские вожди эмигрировали в Бретань. Романские языки сегодня нигде не достигают берегов Рейна, хотя и подходят к ним довольно близко у ворот Бельфора, того самого подхода к Рейну, где южное влияние распространялось бы наиболее мощно. Валлония, представляющая собой расчлененное плато, довольно отдаленное и отсталое до каменноугольного периода, сохранила романскую речь и все больше ассимилирует ее с современным французским языком. Лотарингия, отделенная от бассейна Рейна лесистыми высотами Хунсрюк и Хардт, также оставалась упорно французской, но немецкий язык распространился вверх по притокам Рейна через Северную Швейцарию, вверх по бассейну Илля, который теперь является Эльзасом, вверх по ущелью Мозеля между Хунсрюком и Эйфелем, так что Трир (Augusta Trevirorum, Тревес) теперь немецкий, вверх по притокам нижнего Мозеля, так что крестьянство Люксембурга, население Эйфеля и бассейна Саара в значительной или даже в основном немецкоязычное, и вдоль низменности до Фландрии, где сохраняются нидергерманские диалекты, называемые в совокупности фламандскими. Фламандская равнина и Валлонское плато долгое время были разделены лесами Хайнаута и Брабанта, но вырубка этих лесов в Средние века, в основном людьми, спустившимися с плато, расширила область распространения галльской речи и уменьшила шансы на развитие настоящего языкового единства на фламандской окраине. В результате Фландрия страдает от различия диалектов, а французский язык широко используется как язык цивилизации. С ростом националистических настроений (см. с. 98) в современную эпоху началась острая реакция против господства французского языка, которая теперь угрожает самому существованию Бельгийского королевства. Часть департамента Норд во Франции говорит на фламандском языке, но французский уже давно понемногу оттесняет фламандский во Франции и, вероятно, в Бельгии, несмотря на современное распространение фламандских рабочих во франкоязычных районах.

К востоку от Швейцарии великий альпийский барьер между римским берегом Дуная и настоящими латинскими областями привел к тому, что паганы у Дуная не были полностью романизированы, и сделал весь регион лингвистически падшим для захватнических языков, немецкого и мадьярского, но небольшой островок латинского языка, собирательное название для нескольких древних диалектов, все еще сохраняется вокруг Кортины и в верхнем Гродентале. На родственном фриульском (с большей примесью итальянского) говорят в восточной Венеции, а на романском, также родственном, - на юге Грималь, в Восточной Швейцарии. Основная граница между романскими и германскими языками проходит, как обычно, не по главному водоразделу. По обеим сторонам водораздела, пронзенного Бреннерским перевалом, говорят по-немецки, и агентский город на его южной

стороне (Бозен) по-прежнему немецкий по языку, хотя стратегические соображения заставили победителей перенести новые границы Италии прямо к Бреннеру.

Любопытный результат языковых изменений можно наблюдать в Румынии. Пограничная римская провинция Дакия была на некоторое время сильно оккупирована (107-255 гг. н.э.), и низко-латинский элемент, должно быть, имел заметное культурное превосходство над коренными пастухами-переселенцами. Они навязали свой язык, и с тех пор трансильванские горы способствовали его выживанию, но он сохранился только благодаря большим заимствованиям, которые сделали его лексику на три пятых славянской. Несмотря на периодическое военное давление, жители этого горного узла последовали обычному правилу для людей, расположенных таким образом, и распространились вниз по склону, создав область модифицированного романского языка от Днестра почти до Тисы (Тайсса) и от Буковины до Балканского Дуная. Эта область, однако, была серьезно изолирована от других романских регионов после 270 г. н.э., и она, естественно, приняла христианство из Константинополя, так что в религиозном отношении она стала отличаться от других областей романской речи, которые являются оплотом Римско-католической церкви.

Большой славянский элемент в румынском хорошо иллюстрирует общий принцип, согласно которому лексика изменяется легче, чем синтаксис. Этот принцип можно проследить вдоль границы с Фландрией, где фламандская идиома сохраняется с французскими словами, или вдоль границы с Уэльсом, где форма предложения так часто валлийская, хотя слова английские.

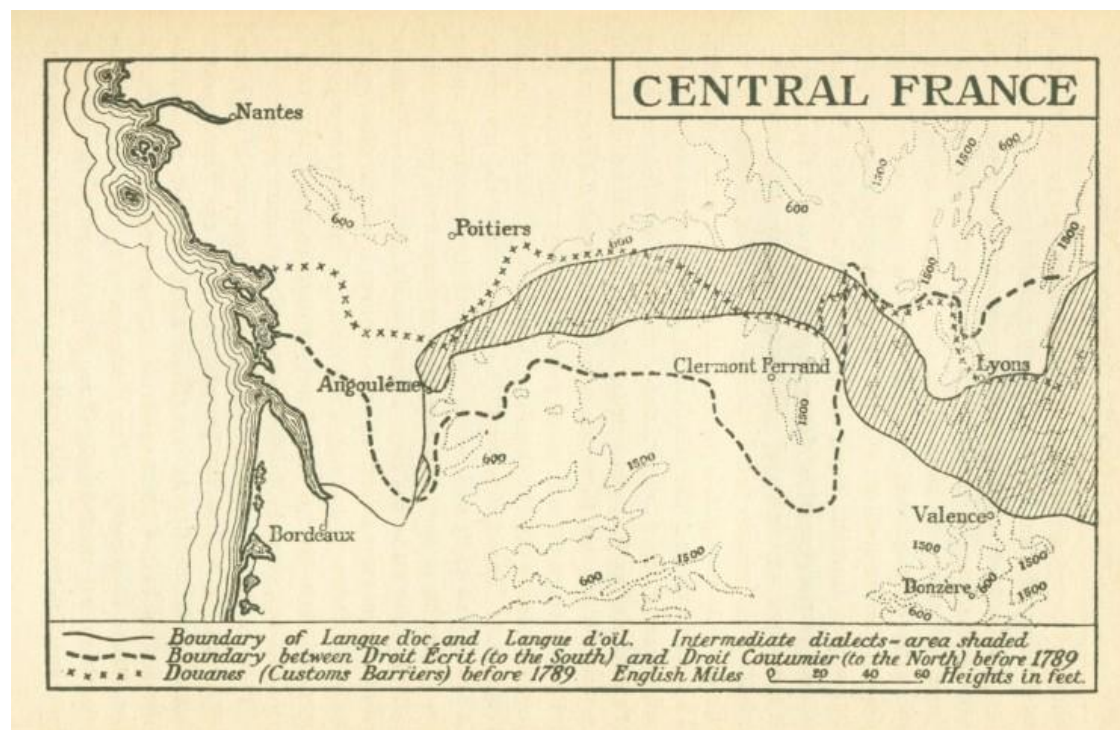
Если говорить в целом, то мы видим, что в целом произошел некоторый откат латыни от старых границ Римской империи, но, несмотря на это, империя оказывала сильнейшее влияние на речь своих европейских граждан. Этот спад был вызван массовыми вторжениями, которые, однако, как правило, проникали гораздо дальше в римские владения, чем можно было бы судить на основании одних только лингвистических данных; иными словами, латинское влияние снова возросло, и действительно, в каком-то смысле эти повторяющиеся возрождения латинского чувства были главной чертой европейской жизни в последние двенадцать или четырнадцать веков, в то время как колебания власти латинских и нелатинских элементов были одной из главных причин войн и раздоров на континенте. Теперь мы можем рассмотреть несколько аспектов этого колебания границ, которые имеют отношение к предмету этой небольшой книги.

Римская империя в Галлии, похоже, делилась на пояса, южный из которых, с его сухим и солнечным летом, стал глубоко романизированным городом и деревней, языком и традицией, зоной, в которой города были резиденциями всех, кто обладал достаточным богатством. Средняя, в основном Парижский бассейн, имела меньше городов, но страна была романизирована, по крайней мере, в языке. На севере, у Рейна, были сильные римские города, особенно пограничные вдоль реки, но страна, похоже, не была романизирована совсем глубоко.

Франки, по-видимому, были авантюристами, искавшими новые дома, избыточным населением тевтонских областей на территории современной северо-западной Германии. Они не были приучены к городской жизни, и хотя сильные пограничные города пережили их проход, города Парижского бассейна, похоже, ослабли под их натиском, хотя захватчикам не удалось нарушить непрерывность гражданской жизни на юге. Таким образом, в Парижском бассейне появилась сельская франкская земельная аристократия, вокруг которой впоследствии развился локализм, называемый феодальной системой. Как и подобает аристократии, грубые франки переняли и модифицировали романизированный язык галлов,

превратив язык *д'ойль* в мать современного французского. На юге сохранились более древние формы, менее измененные, в виде диалектов языка *д'ок*.

Хотя в более современные времена французский язык более или менее восторжествовал на юге, два варианта старых языков сохранились и приобрели некоторую литературную силу; это провансальский, используемый в Провансе, к востоку от нижней Роны, и каталанский, используемый в Каталонии и в некоторой степени в Руссильоне, измененный контактами с испанским. Нет необходимости говорить о том, что *патуа* крестьянства юга Франции сохраняет множество следов языка *д'ок*, и граница между языком *д'ок* и языком *д'ойль* была прослежена французскими учеными. Изучение этой границы показывает, что язык *д'ойль* проник через ворота Пуату между Центральным плато и бесплодными землями Ла-Гатин, закрепился в бассейне Шаранты и почти до самых ворот Бордо. Дальше к востоку нижние склоны Центрального плато образуют его эффективную границу; экспорта мужчин и женщин вниз с плато, по-видимому, достаточно, чтобы сдержать общую тенденцию к распространению языка равнины вверх. В долине Роны граница языка *д'ок* изгибается к югу, так что Лион относится к языку *д'ойль*, а весь регион Изер занимает промежуточное положение между севером и югом. Граница у Роны проходит по сужению долины реки у Валанса. Узкий, ранее покрытый лесом участок долины Роны между Валансом и Донзером был барьером в нескольких отношениях; мистер Пик показал, что он разделял бургундскую и южную культуры на ранних этапах бронзового века. Она была фактором южной границы Бургундского королевства времен Теодориха (ок. 520 г. н.э.), границ графства Прованс и графства Валентинуа, и так далее. Донзер - примерно северная граница оливы, а в бассейне Изера на его больших склонах растут леса, явно не относящиеся к средиземноморским. По мере продвижения от Изера к Дроме и Дюрансу облик страны меняется от летне-зеленых лесов к голым скальным массивам и заметной тенденции к летнему коричневому цвету.

Центральная Франция

То, что эта граница не является изолированным явлением, можно увидеть, сравнив ее с границей между Францией, которая в начале Средневековья вновь ввела римское право (*Droit Écrit*), и Францией, которая предпочитала судить по обычному праву (*Droit Coutumier*). Эта граница и граница языка переплетаются, но влияние больших городов как юридических

центров объясняет некоторые различия. Юридическая граница, естественно, проходит на некотором расстоянии к северу от языковой, вблизи большого южного города Бордо. С другой стороны, влияние долинных городов, таких как Клермон-Ферран, помогло северному праву проникнуть на склоны Центрального плато, так что юридическая граница здесь проходит южнее. Лион, южный город во многих отношениях, отодвинул юридическую границу далеко на север от языковой в бассейне Роны и Саоны. Границы таможенных пошлин старого времени (до 1789 года), границы различных соляных пошлин (*Gabelles*), правительства, существовавшие в 1789 году, общее преобладание готического стиля в архитектуре, общее преобладание домов с крутыми крышами (на севере) и плоскими крышами (на юге) и так далее - все это связано с вышеуказанными линиями, и можно проследить некоторые детали, чтобы выявить интересные расхождения. В итоге изучение этих линий показывает, что французский народ, за исключением пограничных районов Германии, состоит из двух культурных элементов: южного с римским наследием в городах, языке и т. д. и более северного, гораздо менее римского. Между ними находится промежуточная область со смешанным подданством. Изучение такого набора границ может иметь особую ценность, поскольку оно показывает нам, что линейная граница, какой бы необходимой она ни была в нашей устаревшей системе агрессивных государств в политике, является искусственностью, когда применяется к изучению народов. Границы - это зоны, а не линии, зоны промежуточности, которые при лучшей политической организации могли бы стать интерпретаторами, а не причинами конфликтов, как это было в прошлом.

Для того чтобы лучше понять немецкие пограничные территории, было бы неплохо использовать аналогичные методы при их изучении, хотя здесь мы сталкиваемся с трудностями, вызванными политическими предрассудками. Мы видели, что в бассейне Парижа сельские франки переняли в измененном виде романизированный язык галлов, а вместе с ним и влияние римской церкви, наследницы имперской традиции, не только здесь, но и вдоль старой границы Рейн-Дунай. Под этим влиянием гражданская жизнь заново развивалась, и города Парижского бассейна с их рыночными площадями, над которыми возвышался кафедральный собор, являются наиболее примечательной особенностью. По мере роста этих городов расширение церквей под влиянием великой волны средневекового энтузиазма привело к принятию так называемого Огивального или Готического стиля строительства в Иль-де-Франс, а вскоре и в целом в Парижском бассейне, как замены романского стиля, который имел тенденцию к изменению под давлением восточных (византийско-ломбардских) влияний. Нас не интересуют детали архитектуры, но распространение готики в Парижском бассейне, ее неспособность вытеснить романский стиль на юге, ее проникновение по Дороге Святого Жака (Дорога паломников в Компостеллу) в Бордо, Байонну, Бургос и Леон, ее позднее распространение по Фламандской низменности, а также через холмы в Мец, Страсбург и Базель, являются полезным показателем распространения галльского чувства. В Рейнской области оно распространялось с трудом, и романский стиль здесь очень характерен; за Рейном оно распространялось лишь с большими изменениями.

Контраст между границей полностью французской готики и границей французской речи, сплетенной с немецкой, подобен контрасту между югом и севером Франции, о котором говорилось выше. Можно также изучить рост исторического королевства Франции, линии таможенных сборов, габеллов и т. д., а также факты о возникновении и относительной важности протестантизма в различных частях. Все это покажет, что между Парижским бассейном и Рейном находится зона людей со смешанным подданством, и что, как бы ни был удобен язык в качестве отличительного знака, он ни в коем случае не дает полного представления о сложности ситуации.

Фландрия - низкогерманская по языку, но во многом подверженная влиянию Франции, о чем свидетельствует ее архитектура; ее ревностный католицизм - характерная черта. Валлония - кельто-романо-галльская по своей основе, чудесно измененная современным индустриализмом. Люксембург вызывает неопределенные споры, Лотарингия в основном французская, Эльзас алеманнский (древневерхненемецкий) по речи, но в других отношениях глубоко затронутый Францией.

Исследование зоны за старой римской границей на Дунае может быть проведено по схожим принципам, но с меньшей выгодой, из-за осложнений, связанных с распространением азиатских народов и армий в последующие времена.

Возникновение различных народов романской речи за древней границей опять же лучше изучать, не слишком концентрируясь на современных государствах, хотя язык и государство довольно тесно коррелируют.

На Пиренейском полуострове баскский язык, на котором говорят по обе стороны западной оконечности Пиренеев, но на большей территории с их южной стороны, дает название народу, физически не очень отличающемуся от своих испанских соседей, за исключением того, что среди них, вероятно, больше выживших представителей древних (ауриньякских) типов, особенно, как утверждают, кроманьонцев, чем среди большинства испанцев. В экономическом плане они имеют определенную специфику как жители гор, с одной стороны, и как моряки - с другой. В историческом плане они также имеют определенное своеобразие; их связь с карфагенянами и римлянами, с королевством Визиготов и позднее с Арабскими Эмиратами была гораздо менее тесной и непрерывной, чем у регионов, расположенных непосредственно к югу. Жители маленькой пиренейской республики Андорра говорят не на баскском, а на каталонском языке и являются одним из примеров (Сан-Марино, четыре первоначальных кантона Швейцарии, Лихтенштейн, Черногория) обособленности маленьких горных групп; несколько веков назад таких групп было несколько.

В основной части полуострова используются языки, возникшие на основе латыни: один на западном побережье, известный в двух формах - португальской и галисийской, другой вдоль северной части восточного побережья, называемый каталонским и более близкий к языку *d'ос*, чем к испанскому, который является языком большого плоскогорья полуострова и стал также языком Андалусии и некаталонского восточного побережья.

В начале VIII века ислам, сначала представленный берберами, а затем сарацинами, занял примерно то, что когда-то было карфагенской Испанией, лишь временно удерживая северо-западный квадрант, ставший центром христианского сопротивления; до этого он, по крайней мере, некоторое время оставался в составе Визиготского королевства. Удержание ислама на восточном побережье к северу от Таррагоны также было лишь временным, но в результате Барселонский регион в период становления языка больше соприкасался с Южной Францией, чем с северо-западной и христианской частью Испании, откуда и возникло родство его языка с уже упоминавшимся *langue d'ос*. В века слабости иберийцев перед лицом ислама западная прибрежная равнина разошлась в речи с верхним бассейном Дору. По мере ослабления ислама в Испании язык западного побережья распространялся на юг, а язык плато (испанский) - на юг, особенно через Толедо; регион Гвадианы в то время был в основном пустырем. Поскольку испанский язык, язык защитников христианства, стал заменять исламские языки, он, а не каталонский, распространился на части восточного побережья к югу от Эбро по мере того, как они отвоевывались для христианства. Когда северо-запад стал основой сопротивления исламу, на первый план вышла вековая святыня Компостеллы, а великая святыня Святого Иакова (Сантьяго-да-Компостелла) стала всемирно

известной, а впоследствии и центром паломничества. Таким образом, несмотря на родство галисийцев с португальцами, Галисия стала частью королевства Испания, хотя ее мореплаватели имели много общего с жителями побережья северной Португалии. Следует также отметить, что если в Португалии прибрежная равнина отделена от Испании суровым барьером в виде края плато, то в Галисии линии отрогов холмов спускаются к затопленной береговой линии без каких-либо заметных изменений.

Хотя берберские и сарацинские элементы были подавлены, многое осталось свидетельствовать об их влиянии не только в городах и их зданиях, но и в земледелии юга, и особенно в орошаемых садах (*buertas*) восточного побережья, и во многих особенностях жизни людей, даже в некоторых деталях диалекта. В настоящее время арабский язык в этих регионах активно изучается как "классический".

В физико-географическом отношении существуют резкие контрасты между изрезанным побережьем Галисии, узкой прибрежной полосой Северной Испании, плато-бассейном исторического Леона и Кастилии, более низким сухим восточным бассейном Арагона, каталонской прибрежной равниной с холмами между ней и Арагоном, бесплодным плато Новой Кастилии, южной впадиной Андалусии, восточными прибрежными районами Мурсии и Валенсии. Эти контрасты препятствовали росту коммуникаций и единства, и говорят, что недавно в Испании насчитывалась тысяча деревень, до сих пор не имеющих эффективной связи с дорожной системой. Поэтому самобытность жителей разных регионов является заметной чертой в обычаях и социальном наследовании, а торговые каталонцы часто задумывались об отделении от старомодных сельхозпроизводителей Испании. Длительная борьба с исламом сохранила испанцев как народ вождей и простых солдат, в котором некоторое время существовал еврейский средний класс (сефарды). Но религиозное рвение привело к изгнанию сефардов, хотя не мало их крови осталось, и они унесли с собой значительную часть испанской крови в свои последующие дома в Салониках и других местах. Таким образом, развитие среднего класса в Испании значительно отставало от развития этого класса у других западноевропейских народов в средние века, и слабость этого класса была фактором трудностей Испании с тех пор, ее проблем в Америке, ее политической слабости дома, подчинения ее горных богатств английским эксплуататорам и ее длительных финансовых трудностей. Железная дорога в некоторой степени улучшила положение дел, способствуя развитию коммуникаций, но так страх Франции, что испанская колея отличается от колеи остальной Западной Европы. Остановка оттока крови солдат и губернаторов, ранее отправленных на поддержание старой империи, кажется, очень помогла Испании, а важность ее товаров в недавней войне сделала ее процветающей, и ее песета поднялась намного выше своего старого номинала, который составлял 25-22½ песет = 1 фунт стерлингов в английском выражении. После войны трудности в Марокко, внутренняя напряженность, возобновление импорта и оплата транспортных услуг снова привели к падению песеты. Сейчас она составляет 28,50 = 1 фунт стерлингов, но это все равно почти вдвое больше прежнего французского, в три с половиной раза больше прежнего греческого и более чем в три раза больше прежнего итальянского эквивалента. Общее распространение раздражительности и военного духа, однако, похоже, усилило политические трудности между испанцами и каталонцами, как и между англичанами и ирландцами, в обоих случаях отчасти потому, что на континенте в большинстве случаев все решается по принципу национальности, основанной на языке, или традиции, или и том и другом.

Португальцы севера довольно сильно отличаются от португальцев юга, отчасти потому, что среди последних много африканской крови, полученной в результате смешения с рабами

XVII века, - смешения, которое, судя по всему, не имело хороших последствий. Крутой край испанского плато за португальской прибрежной равниной, настолько резкий, что речные притоки в основном глубокие и узкие, помогает сохранять различия между португальцами и испанцами.

Старомодная сельскохозяйственная жизнь населения, основанная на выращивании кукурузы и овец в Кастилии и Арагоне, винограда, апельсинов и оливок в Андалусии и в подходящих частях восточного и западного побережья; скудость гаваней, за исключением Галисии; церковное рвение, вызванное долгой борьбой с исламом и раскольниками из Низких стран, - все это помогает отсутствию коммуникаций сохранять Испанию старомодной. Контрреформация, возникшая в результате борьбы с протестантами Низких стран, повсеместно носила антинациональный характер и внесла свою лепту в рост современного национализма в Испании. Кроме того, из-за слабости среднего класса и отсутствия угля Испания не использовала даже те возможности, которые у нее были для развития промышленности, поэтому и в этом смысле она стоит в стороне от жизни современной Европы. Возможно, современное развитие гидроэлектроэнергетики в какой-то степени изменит ситуацию, и в любом случае неиндустриализация страны в угольную эпоху в конечном итоге может оказаться преимуществом для нее. Воспоминания о старом, далеком и несчастливом слишком часто заставляют англичан делать акцент на религиозных преследованиях католиков в Испании, слишком легко забывая о религиозных и политических гонениях, едва утихших на Британских островах. С другой стороны, мы должны помнить о традициях университета Саламанки с его смешением христианской и арабской мысли на северном выходе горного прохода из арабской Испании, о славе Сантьяго и той роли, которую его паломничество сыграли в развитии европейской литературы, о плеяде великих имен, среди которых Лулл, Сервантес, Вивес и Веласкес - лишь самые известные из многих, и, наконец, о влиянии ранних фаз сарацинской цивилизации на юге на тогдашние полуварварские народы Западной Европы. Мы также должны помнить, что испанский остается одним из великих мировых языков, распространенным не только в родной стране, но и в большей части Латинской Америки, с прекрасной традицией в литературе и ораторском искусстве, а также в других видах искусства. Интересно, что в соответствии с новой пересмотренной схемой (1921) Испания добавлена к четырем странам (Британия, Франция, Италия и Япония), которые являются постоянными членами Совета Лиги Наций.

К югу от великого изгиба западных Альп различные диалекты в конечном итоге слились в прекрасный итальянский язык, самый прямой потомок латыни. С римских времен были заметные вторжения извне, например, лангобардов или лангобардов в бассейн По в шестом веке, ислама и норманнов на юге, но латинский элемент ассимилировал все это, хотя в самих Альпах наблюдается тенденция к французскому на западе и немецкому на севере, с любопытным выживанием романского и ладинского, уже отмеченным на северо-востоке. Небольшая область итальянской речи у побережья (Ментоне) была включена в состав Франции. В Калабрии есть несколько небольших греческих участков, в разных частях - албанские, а на славянском (словенском) говорят в разных частях восточной Венеции и Истрии.

Родной традицией Рима был город-государство, который возродился в период средневековой торговли и действовал против роста национального самосознания. Влияние других городов-государств, в частности Венеции, действовало в Средние века аналогичным образом. Этому способствовала борьба германских народов за Рим и возрождение имперской традиции, а также влияние церкви, особенно с приходом Контрреформации и власти иезуитов. Но железная дорога сделала прежний локализм невозможным, и широко

распространившееся националистическое движение XIX века оказало свое влияние как в Италии, так и в других странах. Борьба Мадзини, Кавура и Гарибальди за объединение Италии и выкуп итальянских земель из-под иностранного владычества - одна из романтических историй человечества, и из нее возникло современное Итальянское королевство (1870 и далее) с его обещанием великолепного развития.

Трудности на этом пути включают три большие. Промышленной энергии не хватало до тех пор, пока не появились гидроэлектрические системы; они в некоторой степени исправляют положение на севере, а чистота этих систем способствует развитию высокотехнологичной промышленности. Еще одной проблемой являются глубокие социальные и даже расовые контрасты между бассейном реки По и югом полуострова. Третья - это большие и часто заброшенные поместья (*латифундии*) на юге. Непродуманный дренаж позволяет скапливаться застойной воде, а болота заражены малярией, которая не только убивает многих детей, но и ослабляет тех, кто выживает после ее пагубного воздействия.

Итальянцы - одни из лучших инженеров мира, и они намерены устранить эту проблему с помощью дренажных работ, а также благодаря социальной реорганизации, которая сейчас активно продолжается и вносит элемент беспорядка, что делает восстановление Италии после военных жертв сложной проблемой. Однако эта проблема не может не быть решена, и с развитием средиземноморской торговли после открытия Суэцкого канала и отступления турок из нетурецких земель будущее расположенного в центре королевства Италия должно быть светлым.

Гидроэлектрические сети за последние двадцать лет объединили Северную Италию (Милан) и Швейцарию, а также в некоторой степени Южную Германию, и Милан вырос в богатстве и значении как один из первоклассных городов Европы с его высокотехнологичной промышленностью в городе, благодаря возможности передачи энергии по кабелю. Давняя и мощная художественная традиция города является важным фактором его индустриального будущего. В последнее время эти тенденции поощряются политикой западных держав, так как теперь Италии выгодно импортировать из Германии, а не из Англии, и это восстановление среднеевропейских экономических отношений будет способствовать восстановлению стоимости итальянских денег, если позволит внутренняя социальная политика.

Слава итальянских рабочих, занимающихся строительством дорог и мостов, а также культивацией, всемирно известна, и они в значительном количестве распространились как в других европейских странах, так и в Америке. В каждом случае, однако, они находили земли иммиграции уже развитыми и неспособными изменить язык, и поэтому итальянский эмигрант в конечном итоге стремится изменить свое наследие; но тем временем он отправляет излишки заработка на родину, и эти денежные переводы и деньги, привезенные возвращающимися эмигрантами, являются важным ресурсом для Италии. Интересно сравнить в этом отношении французов и итальянцев; француз эмигрирует с величайшей неохотой, но очень прочно насадил свой язык в таких местах, как устье Святого Лаврентия и Маврикий, хотя политическая организация там вышла из-под его контроля. Эти эмиграции были совершены, когда данные земли еще совсем не были заняты европейцами, и в этом кроется разница. В последние годы французы, испанцы и итальянцы, стремясь возродить идею Средиземноморья как римского, а теперь уже и романского озера, распространили свое влияние на североафриканское побережье, Испания - на марокканское. Франция - на Марокко и Алжир, Франция и Италия - на Тунис, а Италия - на Триполи и Киренаику. Это области лингвистической и культурной, а также административной экспансии, поскольку французы и итальянцы, по крайней мере, представляются способными организовать более

тесное расселение и экономическую жизнь, сильно отличающуюся от той, которую они нашли.

Франкоязычную и италияязычную части Швейцарии лучше всего рассматривать вместе со Швейцарией в целом, а о других отдаленных романских группах следует сказать лишь несколько слов. На Нормандских островах донорманнская основа была кельтскоязычной, и есть множество указаний на связи с Бретанью. Пришли норманны, и норвежские географические названия хорошо заметны, но острова под этим влиянием стали всего лишь периферийным фрагментом Нормандии, а языком стал нормандский французский. Несмотря на очень тесное заселение, острова упорно сохраняют свои диалектические особенности. Есть много других примеров такого неслияния на таких островах, как Ирландия, Крит, Цейлон и Ява.

На Гернси, например, существует как минимум три разновидности. Важность порта Святого Петра на Гернси для английской торговли с Бордо в Средние века была мощным фактором в отделении Нормандских островов от Нормандии и их сохранении за королями Англии, а их сильные антифранцузские предрассудки долгое время были характерной чертой. Рост торговли с Англией и отсутствие литературы на местных диалектах делают острова одним из сравнительно редких случаев изменения современного языка спустя долгое время после организации тесного заселения. Из островов западного Средиземноморья можно отметить, что на Балеарских островах говорят на каталанском языке, а на других островах, включая Корсику, используют итальянские диалекты, за исключением того, что в районе Альгеро на Сардинии используют тот же диалект, что и на Балеарских островах.

4

Народы с германской речью

Не пытаюсь оценить, какой была речь ранних длинноголовых типов человека на европейской равнине (почти ровный пояс от Кале через Вильно до Урала), и не пытаюсь глубоко заглянуть в доисторические времена, можно сказать, что на заре истории родиной тевтонской семьи языков, по-видимому, была западная часть европейской равнины и связанные с ней части Скандинавии, несомненно, с различными балтийскими расширениями. В том, что тогда, как и в более поздние времена, она пыталась распространиться в сторону Парижского бассейна, мало кто сомневается, но ее конечное распространение в этом направлении уже обсуждалось. Наиболее вероятно, что люди, которые использовали эти языки, были в основном северными жителями побережья и обитателями влажных болот и топей на западном берегу Эльбы. Во многих частях их телосложение должно было быть в значительной степени альпийско-нордическим.

Территория распространения тевтонской речи исторически делится на три части: скандинавская область, включая Ютландию к северу от Фленсбурга, низкогерманские равнины от Эльбы до устья Рейна и Мааса, и нагорье к востоку от Рейна, в котором

тевтонская речь распространилась и в котором она обогатилась за счет смешения с кельтскими, а позже с латинскими и романскими элементами, и таким образом стала алеманнской, а в конечном итоге - высокогерманской.

Таким образом, в римские времена тевтонская речь была наиболее характерна для пояса за рейнской границей Римской империи, и на этой основе мы можем проследить дальнейшее развитие тевтонских народов. Леса Германии были густыми и обширными, и, очевидно, в послеримское время они подвергались двоякому воздействию: горцы спускались вниз и делали население более альпийским по физическому типу и более алеманнским по языку, а церковь основывала аббатства и распространяла свое влияние через Рейн от бывшей римской границы - города тогда в большинстве случаев становились городами римской церкви. Волна римской цивилизации, прерванная движением варваров, возобновилась под руководством церкви, а вместе с ней росли города и междоусобные связи, и через некоторое время контраст между югом и севером Германии стал не только контрастом между холмами и равнинами, между высоко- и низкогерманским языком, но и контрастом между гораздо более романизированным и гражданским югом и гораздо менее романизированным и более сельским севером, хотя со временем церковь утвердилась и на севере.

Алеманнский язык стал характерен для горного пояса, расположенного за пределами области французской речи, и заменил там британский кельтский язык. Но дальше к востоку языки горных народов к этому времени приняли славянскую форму, так что алеманнский пояс был умеренной ширины, включая Альпы и их северные фланги вплоть до прусской равнины, но не Богемию и Карпатскую дугу, где звучала славянская речь (с. 61). Упомянутое выше движение вниз характеризовало славянские горные земли, а также алеманнские, так что на прусской равнине к востоку от Эльбы старые языки (вероятно, родственные леттскому, см. с. 18) уступили место славянским, и со временем Эльба стала границей между немецким и славянским, с Альтмарком (старой пограничной территорией) к западу от нее.

Прогресс германизации на восток до Миттельмарка, между Эльбой и Одером, и Ной-Марка дальше на восток, к Висле, но не до нее, не следует понимать так, что во времена Эльбской границы эти регионы были еще чисто славянскими. Вероятно, немецкий язык уже использовался здесь и там, но германизация и распространение церкви повлекли за собой развитие сельского хозяйства и более тесное заселение, а значит, изменили характер страны. Это происходило под немецким руководством и привело к появлению немецких поселенцев. В раннем Средневековье на Прусской равнине наблюдался спад славянского языка, а сейчас в Германии остался только один полностью славянский регион. Это область вендов, которые, как предполагается, спустились со склонов холмов на северной границе Богемии. В настоящее время венды проживают в верховьях Шпрее, особенно в районе Котбуса, и этот район называется Лужица, но в средние века они распространились дальше на север. В настоящее время речь вендов в значительной степени германизирована, но сохраняет старые черты и славянские названия. Славянские географические названия столь же характерны для немецкой равнины к востоку от Эльбы, как и кельтские названия в некельтской части Шотландии, и иллюстрируют смену языка народа, уже имеющего определенную оседлую организацию. Это контрастирует с редкостью выживания кельтских названий городов на английской равнине. Изменения языковых зон со времен Средневековья, вероятно, были весьма незначительными. Зона к западу от Вислы оставалась зоной смешения немецких и польских языков, отсюда и "польский коридор к Данцигу" недавних договоров, оправданный с лингвистической и традиционной точки зрения, но признанный опасным с политической точки зрения.

Отношение тевтонских языков Ютландии друг к другу по происхождению выходит за рамки нашей темы, но диалект западной части основания Ютландии остался довольно отчетливым как "фризский", и в прошлом веке предпринял попытку литературного развития. Новая договорная граница между Германией и Данией передает Дании то, что было Северным Слесвигом, и должна проходить по линии лингвистической пограничной зоны. Низкогерманская речь устьев Рейна, в результате долгой изоляции жителей этого региона и их концентрации на работе по борьбе с морем, превратилась в голландскую.

Таким образом, мы имеем голландский, фризский, низкогерманский, высокогерманский или алеманнский языки, и, естественно, среднегерманский, развивающийся между двумя последними вдоль зоны, где южные холмы переходят в северную равнину.

Сложный рельеф южногерманской возвышенности породил бесконечное множество мелких государств, и в конце XV века они, как и жители Южной Франции за много веков до этого, согласились "принять" римское право. Эта рецепция была эффективной на большей части холмистой местности, но не на значительной части равнины, что стало естественным следствием уже отмеченных контрастов и еще более усилило их в последующий период. В начале XVI века произошел религиозный раскол, в ходе которого северная равнина и предгорья почти *поголовно* покинули католическую церковь, в то время как жители холмов и долин Южной Германии остались привязаны к Риму. Однако это далеко не всегда адекватно описывает территории двух церковных систем, поскольку римское влияние на Рейне, по-видимому, сохранило регион Эмса в основном католическим, в то время как протестантизм занял юг вдоль линии Кассель-Франкфорт и распространился через Вюртемберг и район Нюрнберга. Сильно католическими регионами являются Рейн (за исключением окрестностей Майнца), бассейн реки Эмс, верхняя часть Майна, в основном Вюрцбург и Бамберг, и верхняя часть Дуная (главная часть Баварии). В этой связи особенно выделяются Рейн и Дунай, где римские пограничные города превратились в церковные города.

О контрастах между севером и югом говорили еще в Средние века, но в более поздние времена они в целом уменьшились. Большой толчок развитию немецкой литературы на родном языке дал прекрасный перевод Библии, выполненный Лютером. Он использовал саксонский диалект, смешанный с высоким и средним немецким, и, как и в других странах, пострадавших от Великого раскола, язык Библии стал литературным и политическим языком, в значительной степени благодаря практике, требующей от каждого конфирманта выучить часть Писания на жаргоне, и последующему распространению привычки читать и спроса на книги. Рост числа газет, школ и общественных дискуссий привел к тому, что среднегерманский язык стал стандартной речью всей страны, но фризский и алеманнский диалекты все еще сохранились в границах новой немецкой республики.

Смешение нордического и альпийского населения привело к распространению доминирующего альпийского широкоскулого телосложения на большей части территории современной Германии, но оно часто сочетается с чертами, полученными от нордической стороны (светлый цвет кожи и некоторые черты лица), и значительная часть нордического телосложения сохранилась на северо-западе и в Вюртемберге, а также на покрытых лесами тюрингских холмах. Это распространение широколобости можно рассматривать наряду с распространением модифицированного высокого немецкого языка и распространением южных правителей, таких как Гогенцоллерны, на север, и тогда станет ясно, как во многих отношениях юг проникал на север как в более современные, так и в более отдаленные времена. Полезно помнить об этом, чтобы предотвратить опасность чрезмерного

подчеркивания влияния распространения прусских политических организаций на юг в XIX веке; также полезно помнить, что значительная часть этой организующей силы прямо или косвенно связана с гугенотскими беженцами, нашедшими приют в гостеприимном Бранденбурге XVII века.

Если соборы - знак и символ усилий народа в Парижском бассейне, то университеты, основанные на парижских, характерной чертой цивилизации в горной Германии, и, если проза - триумфальное выражение французского гения, то лирика и музыка - слава немецкого. Острая критика и поразительная ясность французской мысли, произрастающей там, где в стране хорошего вина толкаются друг с другом все расы Европы, составляет постоянный контраст с более трудоемкой зажатостью более или менее альпинизированного немца с его более тяжелым меню как в еде, так и в напитках. Быстрый предприимчивый нордический элемент присутствует то тут, то там; но именно альпийское терпение и тяга к деталям все больше доминируют в психологии немецкого народа, выливаясь в способность к комбинированию, которая дала замечательные результаты в индустриальный период.

Подобно тому, как мы имели возможность проследить романизацию в германском поясе, мы можем проследить германизацию в славянском поясе, но на этот раз с отличиями. Прежде всего, поселения немцев встречаются на лесных вырубках, как уже отмечалось для равнины к востоку от Эльбы. Но по большей части западная зона славянского пояса была христианизирована, в значительной степени через Богемию, до того, как попытки германизации получили серьезное развитие, и поэтому германское распространение затронуло следующую стадию социального развития, а именно рост городов. После этого мы находим некоторые районы германизированного сельского населения, а также, через территорию Польши и Трансильвании, немецкие группы в городах, и подобное движение в Россию было характерно для конца восемнадцатого и девятнадцатого веков.

Самым важным районом проживания германизированных людей в славянском поясе является то, что сегодня известно как Восточная Пруссия, отделившаяся провинция Германской Республики (1919). Этот сайт является зоной градации от широкоплечих людей Центральной Европы до длинноголовых балтийцев, говорящих на старых языках, одним из которых был ныне исчезнувший прусский, родственник литовскому. Христианство распространилось вниз по Висле еще до того, как процесс германизации зашел далеко за Одер, так что сельскохозяйственная организация, закрепляя народный язык, сделала нижнюю Вислу в основном славянской на ее западной стороне. Следующий этап продвижения римской традиции теперь должен был пройти через Вислу в Восточную Пруссию, и он состоялся по предложению правителя Данцига и монахов из Оливы, расположенной неподалеку. Она была осуществлена рыцарями Тевтонского ордена и повлекла за собой германизацию, по крайней мере, ранее прусскоязычного населения вблизи побережья. Мазуры, живущие в глубине страны, среди болот, как были, так и остались более славянскими, но ощутили германизирующее влияние в достаточной степени, чтобы в XVI веке отделиться от Римской церкви вместе со своими северными германизированными соседями. В результате получился любопытный результат: современные жители Восточной Пруссии в основном польскоязычны, но в основном протестанты, в районе Мазурских озер, и немецкоязычны, а на прибрежной равнине - необычно длинноголовы для немцев. На недавнем плебисците даже мазурские поляки продемонстрировали явное неприятие включения в состав воссозданной и интенсивно римско-католической республики Польша, и представляется вероятным, что при окончательном распределении по договору мазуры, как и прибрежные народы, останутся под властью Германии. Восточная Пруссия - сельский регион с крупными поместьями, и этот

факт, а также ее положение в качестве своего рода пограничного форпоста Германии, сделали ее крайне патриотичной и очень консервативно настроенной. Население Восточной Пруссии смешивается с литовцами за Неманом, но Мемель, как город, естественно, в основном немецкий. Его судьба (апрель 1922 года) еще не решена.

Другие группы с немецкой речью и ассоциациями в Восточной Европе за Вислой и в Австрии ни в коем случае не являются достаточно большими, чтобы их можно было назвать *народами*, хотя они образуют важные сообщества, и здесь может быть полезно дать их краткий список.

В Венгрии они встречаются в большом количестве в районе Печа (юго-запад), вокруг Будапешта, к северо-западу от Баконьского вала и т. д.

В Югославии есть группы в Бачке, между нижним Тейсом и Дунаем, и в Банате.

В расширенной Румынии есть несколько немецких групп в металлоносных районах к востоку от Баната, между верхним Марошем и верхним Альтом, особенно около Сибиу (бывший Германштадт), вокруг Клужа (бывший Колозсвар) и Бистрицы (Бистриц), в Буковине, а также в южной Бессарабии.

Многочисленные группы разбросаны вдоль Буга и по южной стороне Припетских болот. На юге России есть несколько групп в Одесской области и к северу от Азовского моря. Еще большее число проживает вдоль Волги в Саратовской области. Немецкие поселения в Трансильвании, часто небрежно называемые саксонскими, датируются в основном двенадцатым веком, и люди в значительном количестве пришли с Рейна в его "нижненемецкой" части; Буковина и русские области получили свой немецкий приток к концу восемнадцатого века.

5

Некоторые народы, занимающие промежуточное положение между романскими и германскими языками в речи

После того как мы упомянули итальянцев, французов и немцев, представляется уместным рассмотреть швейцарский народ, столь заметную единицу в жизни Европы, несмотря на различия в языке, религии и хозяйственной деятельности. Очень раннее, но явно незавершенное развитие оседлой жизни на берегах озер было связано с многочисленными сезонными и другими миграциями людей, использующих летом пастбища на холмах и развивающих молочное животноводство. Феодальный локализм появился как на более открытых территориях вокруг, но не укоренился так, как на более богатых равнинах, поэтому, хотя, за редким исключением ([стр. 23](#)), форма речи приблизилась к той, что окружающих земель (итальянская, французская и alemannская), политическое господство окружающих земель было сильно и, в конце концов, успешно сопротивлялось. Земельная аристократия в

конце концов либо покинула бедную территорию (часть Невшателя), либо отказалась от своих привилегий и влилась в народ в качестве лидера (особенно во французской и немецкой Швейцарии); она должна была быть не *придворной*, а *лагерной знатью*, и судьбой первой, даже во Франции, но в гораздо большей степени в Норвегии и Финляндии, было влиться в народ. Сохранился локализм без феодализма, а кантоны в значительной степени демократизировали свое правительство, развивая мирные идеалы в сочетании с рвением к местной обороне. Сейчас они представляют собой интереснейший пример крепкого союза в оборонительных целях с малой вероятностью перехода обороны в агрессию. Многовековая бедность привела к эмиграции и стремлению к интеллектуальному развитию, которое было характерно для Шотландии, Дании и современного Уэльса, но достигло уникального уровня в Швейцарии с ее семью университетскими учреждениями и относительно огромным количеством студентов. Ценность швейцарских университетов привлекает в них студентов со всего мира, а гостеприимство Швейцарии по отношению к беженцам и туристам превратило страну в важнейший международный центр, о чем свидетельствуют штаб-квартиры Красного Креста и Лиги Наций. Параллельно с этим росло значение Швейцарии как банковского центра, чему немало способствовало растущее напряжение в экономических отношениях в Европе, вызванное огромным развитием милитаристской агрессии с 1895 года. Другой аспект развития банковского дела связан с промышленным преобразованием некоторых районов Швейцарии за счет использования гидроэлектрической энергии, что привело к сближению Швейцарии с Южной Германией и Северной Италией и сделало ее внешней торговлей важным делом. Нет нужды говорить о том, что гостеприимство Швейцарии по отношению к беженцам на протяжении столетий приводило к ней ремесленников, мыслителей и художников и тем самым чрезвычайно обогащало ее жизнь. Долги Голландии и Британских островов перед беженцами из интеллектуальной элиты других стран можно сравнить с долгами Швейцарии. В Великобритании семьи, стоящие в центре коммерческой и интеллектуальной жизни наших городов, часто тесно связаны с группами беженцев, о чем свидетельствует их связь с унитарными церквями и Обществом друзей.

Еще один регион, который уместно рассматривать после рассмотрения романских и германо-тевтонских народов, - это Британские острова. О британских и ирландских народах уже упоминалось в главе о расах (с. 11) и в разделе о кельтских языках (с. 18). Там было высказано предположение, что в древности эти острова были отдаленным прибрежным регионом, и поэтому на них сохранились старые типы длинноголовых мужчин, претерпевшие сравнительно мало изменений, такие как тип человека Комбе-Капелле ауриньякского времени, родственные ему типы речников и длиннобородых людей более позднего, но, вероятно, еще добронзового века.

На заре бронзового века появились другие, в основном широкоголовые типы, среди которых мы можем выделить мускулистых, грубобровых "людей-букашек", найденных в круглых курганах и сохранившихся, в некоторых случаях значительно усовершенствованных, в современном населении, крепко сложенных и иногда высоких, темных широкоголовых людей, которые до сих пор встречаются на участках вдоль нашего западного побережья и у берегов Ирландии, и предварительно отождествляются с искателями олова и меди, распространившимися из восточного Средиземноморья в третьем и, возможно, во втором тысячелетии до нашей эры, с широкоплечими людьми из коротких курганных могил на нашем восточном побережье, особенно от Хамбера до Кейтнесса, с высокими длинноголовыми людьми из движений железного века (La Tene) и потомками англов, саксов, ютов, датчан и викингов, все более или менее высокие и светлые, и в большинстве своем длинноголовые. Нормандское завоевание, похоже, принесло широкие наконечники из-за

Ла-Манша, о чем можно судить по содержимому средневековых костниц, которые иногда разительно контрастируют с современным населением их районов. Вероятно, рост современного индустриализма привел к возрождению более старых и темных длинноголовых типов, которые, похоже, в какой-то степени способны противостоять дурным условиям трущоб, в то время как высокие, светлые длинноголовые и потомки изготовителей мензурок, похоже, склонны к отступлению, если только обстоятельства не позволят им занять лидирующее и комфортное положение.

Изучение языка показывает, насколько полностью тевтонская речь заменила кельтскую, даже в том, что касается названий поселений, на английской равнине, хотя нетерпеливая этимология, возможно, преувеличила эту полноту и неоправданно подчеркнула предполагаемую смену населения. Фракционирование старых элементов среди валлийских холмов позволило старому языку сохраниться, хотя на нем сейчас говорят не столько физические наследники людей, которые принесли его в Британию, сколько более древние, которых они научили ему. Открытость и хорошие центры Центральной низменности Шотландии были неблагоприятны для выживания кельтского языка, который было так трудно смешать с тевтонской речью, но этот компактный регион, хорошо отделенный от английской равнины южными возвышенностями, Чевиотами и болотами северной Англии, сохранил достаточную организацию (в основном кельтской церкви) в течение постримских веков, чтобы передать многие старые географические названия и развить организованное национальное сознание при первой же возможности. Уэльс, лишенный административного центра, утратил свое право, но сохранил свой язык. Шотландия с крупными центрами Центральной низменности создала свое собственное право, но ее старые языки почти исчезли.

История прослеживает рост национального самосознания на английской равнине во времена Плантагенетов, вплоть до его организации при Тюдорах и его великого всплеска при Елизавете, когда общее восстание английской равнины и центральной Шотландии против Рима притянуло эти две исторические единицы друг к другу, чему способствовала общность языка и ослабление старых связей между низменной Шотландией и католической Бурбонской Францией. Можно сказать, что рост индустриализма привел к завершению объединения, хотя и с сопутствующей потерей ценных элементов населения в ходе событий, последовавших за восстаниями горцев в XVIII веке и выселениями девятнадцатого века для создания оленьих лесов. Тем не менее остатки старины в западных нагорьях и на Гебридских островах интересны и важны с нескольких точек зрения; они сохраняют ценные элементы традиционной цивилизации и, возможно, даже отличительные духовные способности, которые наша индустриальная цивилизация, похоже, убивает или, во всяком случае, заглушает.

Ирландия, как мы увидим, не была приведена к сотрудничеству с Англией совершенно одинаковыми способами, и она также иллюстрирует разнообразие, которое так часто сохраняется на прибрежных островах, в основном из-за различий в мировоззрении их различных берегов (сравните Цейлон, Яву, Крит и т. д.). В случае с Ирландией бедность ее центра сыграла огромную роль в сохранении разделения. Но она не была приведена к восстанию против Рима вместе с Англией и Шотландией и не была преобразована, как они, индустриализмом, за исключением ее северо-восточного угла. Таким образом, *mutatis mutandis*, небольшие, хотя и интересные остатки старых традиций и чувств, отмеченные в западных горных районах, характерны для больших территорий Ирландии, а ее католицизм еще глубже укоренился в сознании людей в результате жестоких преследований со стороны Англии. В итоге, как и в Чехословакии, наметилась тенденция к перерождению

обособленного и антагонистического национального сознания, что делает вероятным решение этой сложной проблемы путем объединения, а не подчинения. Открытость Ирландии к морю и ее многочисленные связи с континентом, по-видимому, наряду с репрессивной политикой, стали причинами утраты родного языка, который в любом случае было бы трудно приспособить к современным потребностям, так что Ирландия представляет собой случай национальности, в которой языковая основа не является реальным жизненным фактом, сколько бы энтузиасты ни пытались настаивать на этом. Но, кроме того, случаи Ирландии и Чехословакии удивительно похожи: последняя находится на таком же расстоянии от немецких центров, как Ирландия от нас, в обеих есть промышленный элемент, которому трудно сотрудничать с сельскохозяйственным большинством и который требует отдельного обращения, обе оглядываются на столетия несчастливой памяти о несомненных обидах, и обе имеют сильные претензии на мысли тех, кто хочет мира.

Шотландцы нашли *modus vivendi*, а с недавним ростом веротерпимости почти достигнут *modus vivendi* для валлийцев, но в любом случае дело Уэльса отличается от дела Ирландии; языковое различие в Уэльсе не так глубоко, как религиозное различие в Ирландии, и промышленно развитое население составляет большинство в Уэльсе, но меньшинство в Ирландии. Еще одним важным фактором в случае с Уэльсом является преобразование валлийского языка в английский на валлийской стороне границы, и эта страна становится все более способной развивать духовное наследие своих сельских районов в мирном русле. При умеренности со стороны Англии есть надежда, что Великобритания сможет сохранить и развить схему единства в разнообразии, а последние события дают надежду и Ирландии.

Мана с ее гэльскими и норвежскими элементами, Гебридские острова с их незапамятными традициями, Оркнейские и Шетландские острова с их норвежским происхождением - все они представляют большой интерес для этнолога и вносят интересный вклад в обогащение британской цивилизации, но вряд ли представляют собой серьезные проблемы.

6

Народы, говорящие на низком германском и скандинавском языках

Теперь мы переходим к нижненемецким и скандинавским народам.

К нидерландцам относятся светловолосые нордические и скандинавские альпийцы с материка, а также смуглые широкоплечие жители островов в устье Рейна. Являются ли эти последние альпийскими народами или морскими поселенцами доисторических времен, неизвестно, но их сильные мореходные интересы, в целом, поддерживают последнюю гипотезу, несмотря на силу окружающей среды. Общие усилия и общие жертвы в борьбе с морем стали цементирующим фактором для жителей Голландии, которые за Рейном сравнительно мало подвергались влиянию Рима. Их поглощенность борьбой с морем и обособленность от романской Европы Средних веков привели к тому, что они предоставляли убежище евреям и еретикам, отделились от Рима во время религиозного раскола и все

больше обособлялись от своих фламандских языковых родственников на римской стороне роковой реки. Вдумчивость, поощряемая старинной, пусть и неполной, веротерпимостью, заставила Голландию внести вклад в развитие мысли, совершенно несоразмерный ее размерам; а ее мореплаватели, став со временем мореходами мировых морей, унаследовали от португальцев Ост-Индию и открыли то, что под английским названием Нью-Йорк стало самым большим портом мира. Если уязвимость перед организованным милитаризмом за пределами ее границ и преимущества позиции Англии в морском первенстве привели к тому, что Голландия, особенно с ростом британского индустриализма, несколько отошла на второй план в коммерческом отношении, ее народ, тем не менее, остается важнейшим элементом как в жизни Европы, так и в торговых отношениях мира. Ее язык выработал литературный стандарт, к которому были приближены фламандские диалекты народа, борющегося за признание, но вряд ли стремящегося к объединению с Голландией из-за религиозных расхождений. Это, тем не менее, усиливает силу голландской традиции, в то время как рост немецкой промышленности значил для Роттердама и Амстердама почти столько же, сколько и для Антверпена. Кроме того, обеспечение крупных промышленных центров дало Голландии новые коммерческие возможности, и она, таким образом, в состоянии играть свою роль по отношению к своим крупным немецким и английским соседям, сохраняя при этом свою собственную индивидуальность, и, более того, делая эту индивидуальность довольно трудной в связи со сложной международной проблемой Антверпена и Шельды. Эта проблема, скорее экономическая, чем народная, не нуждается в обсуждении, кроме указания на исключительно международное развитие этого главного выхода для европейской равнины до 1914 года.

Стандартизированный немецкий язык не вытеснил старые формы речи в сельских районах северо-западного побережья Германии, и в XIX веке наметилась тенденция к приданию фризскому литературного выражения, но это движение, как и движение в пользу провансальского языка, не зашло достаточно далеко, чтобы оказать экономическое влияние или существенно повлиять на политику. В целом, с развитием системы образования фризский язык отступил и теперь на нем говорят в основном на западном побережье Гольштейна и в той части Слезвига, которая на плебисците недавно решила остаться немецкой.

Дания, расположенная у входа в Балтику и связанная с жизнью этого моря прежде всего своими островами и важным проливом Саунд, вместе с Норвегией и Швецией составляет скандинавскую подгруппу в тевтонской языковой семье, и здесь народы и языки достаточно близко соответствуют друг другу.

В то время как Гольштейн, расположенный у основания полуострова Ютландия, вошел в состав Священной Римской империи в Средние века, Слесвиг остался за пределами этой попытки организации. Немецкая речь и мысли проникали в Южный Слесвиг вплоть до фьорда, в который впадает Фленсбург, но, несмотря на политические усилия 1864-1914 годов, Северный Слесвиг оставался датским по духу, и теперь он освобожден, чтобы вновь присоединиться к маленькому королевству. Выбранная граница, похоже, демонстрирует справедливое толкование результатов недавнего плебисцита, хотя по обе стороны линии есть меньшинства.

У Дании очень длинная история, начиная со времен ее доисторических кухонных мидденов, и она обязана тем, что Ютландия была в некотором роде северо-западной конечной точкой пояса лессов, пустошей и песчаных холмов, тянувшегося на запад от степной границы Южной России. По этому поясу к ней пришли переселенцы добронзового века, отличавшиеся своей

"бикерской керамикой", а торговля янтарем, по-видимому, использовала часть этого маршрута.

Таким образом, датчане долгое время представляли собой расовый комплекс, но в целом преобладал светлый нордический тип. Доля Дании, особенно в организационных аспектах великих морских движений послеримского периода, хорошо известна, но мнение Петерссона о том, что это происходило в период благоприятного климата и свободных ото льда берегов в северных морях, помогает осознать связь этой деятельности с конкретным периодом. Объединение Дании и Норвегии в морской деятельности продолжалось долгое время, и когда в Средние века для последней наступили плохие времена, доминирование первой стало очень заметным. Политический аспект этого вопроса выходит за рамки нашей темы, но в XIX веке ослабление Дании под давлением Германии ослабило узы, и обстоятельства в конце концов предоставили Норвегии замечательную возможность. Так получилось, что в 1864 году Дания увидела конец своего *старого режима* и начала новую карьеру. Имя ее епископа Грундтвига стоит в одном ряду с именами аббата Йенского и некоторых других в унылом веке торгового империализма. Он взялся за перевоспитание датского народа в духе сотрудничества и простоты, и, благодаря своим школам для развития не столько технических, сколько удобств жизни, он стал одним из тех, кто строил лучше, чем знал. Финансовый успех нового сельского хозяйства Дании, достигнутый благодаря умелой кооперативной организации, является выдающимся явлением, хотя многое может быть связано с общим ростом благосостояния скотоводов в регионах вокруг производственных центров. Копенгаген стал центром оптовой торговли сливочным маслом, а железнодорожные паромы и другие коммуникации обеспечивают связь с Эсбьергом, Германией, Швецией и восточным побережьем Балтики. Как Швейцария и Голландия, Дания вносит немалый вклад в интеллектуальную жизнь Европы, отчасти благодаря возможностям, которые ее сыновья находят в Берлине и других крупных центрах больших наций.

О первом заселении Норвегии известно сравнительно мало, но, должно быть, население было очень скудным, пока человек не был достаточно хорошо оснащен, чтобы справиться с серьезными трудностями этого региона. Это страна уступов вдоль изломанного побережья, причудливо изрезанная фьордами, которые представляют собой глубокие долины на краю высокого плато, измененного льдом и затем частично погруженного под воду. Частичное погружение превратило отдаленные возвышенности в лабиринт островов, между которыми и сушей на большом расстоянии есть довольно открытый канал, несомненно, старая продольная долина. Люди фьордов в значительной степени относятся к высокому, светлому, длинноголовому нордическому типу, но вокруг приморских концов южных фьордов живут темные широкоплечие люди, которые в этом случае почти несомненно являются переселенцами из-за моря. Физическая география Тронхjem-фьорда, как на суше, так и на воде, помогает понять его особое раннее значение, особенно в период хорошего климата, но в XIV веке вся Норвегия сильно пострадала от неурожая и ганзейского вмешательства, и с того времени и до XIX века судьба Норвегии была невелика.

Как и в других странах древней бедности (например, в Финляндии и Швейцарии), девятнадцатый век принес окончательное слияние старой аристократии с народом; связь с Данией была ослаблена, а временная связь со Швецией, отчасти под страхом агрессии русского царизма, не пустила глубоких корней в жизни народа. Большое значение следует придать языковому и литературному возрождению, центральной фигурой которого стал знаменитый Бьорнсен. Тем временем британская свободная торговля, и особенно отмена британских навигационных законов (1849), дала шанс норвежскому моряку и кораблестроителю, и в стране развился великий торговый флот, который смог

просуществовать до 1914 года, несмотря на появление железного корабля и парохода. Во время и после войны Норвегия не смогла угнаться за другими торговыми флотами, такими как Соединенные Штаты Америки и Япония.

Внутри Норвегия с далеких времен и до недавнего времени была народом рыболовов-земледельцев, которые ценили индивидуальную собственность на небольших возделываемых уступах у фьордов и перегоняли скот на летние пастбища на высоких лугах большого горного плато. С этими маленькими трудно делимыми фермами традиционно связана практика наследования по первому сыну, а еще одной особенностью является длительное отсутствие большей части мужского населения (рыболовы). Последний факт, как говорят, объясняет уникальную власть женщин в норвежских делах, и женщины, безусловно, внесли большой вклад в современное развитие Норвегии как мирной, самодостаточной демократии. В двадцатом веке уже наблюдается большой рост промышленности, основанной на использовании гидроэлектрической энергии, которая в таком количестве имеется во фьордах; характерной чертой является химическая промышленность, включая получение нитратов из атмосферного азота. После войны стоимость норвежской валюты снизилась из-за ослабления судоходства и неспособности Германии вести торговлю, как раньше, но обесценивание не очень велико и вполне может исправиться, если рассеются военные тучи. Рыба и древесина давно стали и, вероятно, останутся ценными торговыми активами; необходимость импорта зерновых - постоянная проблема.

В глубине Норвегии, на высокогорном плато, живут саамы, чьи сезонные кочевки не замечают международной границы между Норвегией и Швецией. Поэтому, к счастью, когда Швеция и Норвегия отказались (в 1905 году) от своего искусственного и временного союза, они, как и подобает просвещенным народам, пришли к взаимному соглашению о полной демилитаризации границы. Разделение совпало с большим развитием торговли Норвегии, основанным на применении гидроэлектрической энергии в промышленности.

Много веков назад норвежский народ, казалось, отказался от своего языка в пользу датского, но здесь, как и во многих других странах (Богемии, Сербии, Финляндии, Фландрии, Каталонии и Уэльсе), в XIX веке возрождается местная речь, а творчество Бьорнсена и Ибсена придает этой речи литературный стандарт и делает литературу этой страны силой в современном мире, к счастью, при сравнительно небольшом развитии международного антагонизма, поскольку к этому времени не было языка, конкурирующего с норвежским на местном уровне; Датский ушел на покой, а шведский был слишком далек, чтобы иметь серьезное значение, хотя одно время его давление было под угрозой.

Западные скандинавы времен поздних викингов распространились через северные моря в Исландию, Гренландию и "Винланд", который отождествляется с побережьем Новой Англии в Северной Америке. Связь с Америкой была утрачена, с Гренландией - почти, если не совсем, утрачена, вероятно, из-за суровости климата XIV века, но связь с Фарерами и Исландией сохранялась. Таким образом, Исландия стала в некотором роде хранилищем скандинавского прошлого, благодаря чему в наше время распространилось знание и понимание древних саг о норвежских скитальцах, в которых присутствуют элементы, относящиеся далеко не только к временам викингов. Таким образом, исландский язык и воплощенная в нем литература стали важным предметом изучения для студентов, изучающих европейские традиции и историю литературы, а влияние, оказанное на современную Германию, в частности через Вагнера, было далеко идущим и многогранным.

Ассоциации Швеции неизбежно сильно отличаются от Норвегии. Правда, высокое плато довольно резко отделено от остальной части Швеции, но ступени вниз менее обрывисты, чем

на норвежской стороне, и хотя Швеция имеет мир саамов как свою тайную почву для народных сказок, контакты между шведами, саамами и финнами имеют место и оказывают влияние на тип. Недавний прекрасный атлас фотографий шведских типов иллюстрирует это для этой страны, но показывает, что наиболее характерным элементом, как и в Норвегии, является высокий, светлый нордический тип.

По-видимому, именно после восстановления севера от суровости климата XIV века Швеция как единый народ проявила наиболее заметную активность. Одним из факторов этого, несомненно, был ослабляющий эффект великого религиозного раскола в Германии с теми возможностями, которые он дал Франции Контрреформации и Бурбонам.

Швеция даже пережила этап контроля почти над всей Балтикой (ок. 1660 г.), но удержать его не удалось, хотя южный полуостров Скания так и не вернулся к своим старым, восходящим к доисторическим временам, связям с Данией. Возвышение России привело к уходу шведского влияния с восточной стороны Балтики, но финны на юго-западе включают в себя несколько шведскоязычных групп, а в Аландах 96 % используют этот язык. Эпизод военной славы способствовал сохранению местной аристократии, что в социальном плане сильно отличает Швецию от Норвегии, хотя демократизация и здесь прошла долгий путь, и новые дворянские титулы не создаются. Ее более обширные низменности, с возможностями выращивания пшеницы в южной половине, делают сельское хозяйство более богатым, чем в Норвегии или Финляндии, а древесина и хорошая железная руда открывают промышленные и торговые возможности, чему в немалой степени способствует зона озер и система каналов. Таким образом, Швеция - относительно богатая прибалтийская земля, хотя многие черты у нее общие с народами других (финского, латгальского и немецкого) балтийских побережий, и ее естественные ассоциации с балтийской Германией должны быть поняты и оценены. Швеция прошла войну со своими деньгами с общеевропейской надбавкой, и это отличие среди всех народов Европы она разделяет только с Голландией и Швейцарией.

7

Народы на восточной границе Европы-моря

Теперь мы рассмотрели языковые группы романских, кельтских и тевтонских народов и можем отметить, что среди кельтских народов мы находим наиболее заметные пережитки древности в социальных чертах. Среди народов, говорящих на романских и тевтонских языках, мы обнаруживаем тенденцию к сближению языковых и политических групп, и теперь, за некоторыми исключениями, политические единицы также являются языковыми. Регионы романской и тевтонской речи - это большие регионы организации государства; они имеют стабильную схему управления и доходов, устоявшийся правовой порядок, подход к представительному правлению на основе франшизы; короче говоря, это регионы патристического национального государства. Исключения были отмечены то тут, то там в приведенном выше обзоре. Эльзас - алеманнский по речи, но французский по привязанности во многих отношениях. Швейцария представляет собой уникальное сочетание единиц, принадлежащих к трем языковым группам. Фландрия, или область

фламандской речи, находится частично во Франции и частично в Бельгии. Фландрия и Эльзас - две самые серьезные европейские проблемы, и даже если их удастся смягчить благодаря политической дальновидности, опасность, исходящая от них, вряд ли уменьшится окончательно, если "национальное государство" не будет занимать меньшую часть политического горизонта.

Когда мы обращаем наше внимание на восток от земель романских и тевтонских языков к землям славянских и балтийских языков, мы обнаруживаем, что до недавнего времени, во всяком случае, не было согласия между политическими и языковыми единицами, и что даже сейчас это согласие достаточно фрагментарно. Мы также видим, что вместо принципа "один регион - один язык", который широко применяется на Западе, почти всегда существует язык меньшинства наряду с языком большинства. Кризис 1914-18 годов показал, насколько нестабильными были политические единицы последних пятидесяти лет, а "национальное государство", то есть урегулированная администрация, достойная называться "государством", в сочетании с социальной единицей, основанной на традициях, только начало свою карьеру в Восточной Европе. Более того, в этой восточной части Европы мы находим языки неевропейского характера в Финляндии, Эстонии, Венгрии, Турции и в некоторой степени в Болгарии. Таким образом, это зона евроазиатских контактов и взаимопроникновений, которые во многом определили особенности общественного устройства в этой части континента.

Хотя вышеприведенное утверждение в целом верно, тем не менее, необходимо отметить, что история фиксирует значительные и настойчивые, хотя и частично безуспешные, попытки развития национального государства в тех западнославянских землях, которые испытывали влияние Рима либо через империю, либо через церковь, в то время как зараза национализма XIX века распространилась далеко и широко.

В период тесного заселения, закрепления языка и роста администрации на западе были периоды давления на Европу со стороны Азии, что иллюстрируется приходом шеклеров и мадьяр и образованием мадьярского королевства Венгрия, продвижением булгар, с тех пор практически славянизированных, давлением монголов на Русь и распространением турок. Распространение финских или финно-угорских народов на запад по северу, вероятно, более древнее, оно было более постепенным и менее организованным.

Кроме северного финского пути и подчиненных финских путей (Пермь, Казань, Самара) к Волге, пути на запад пролегали по лессовым породам, либо по польской платформе, либо по Валахии и венгерской равнине, и оборона запада от давления по этим путям собиралась главным образом вокруг Вены и вокруг Польши (Краков в ранние времена и Варшава позже). Австрия, какой мы ее знаем сейчас, когда-то была Остмарком, восточным маршем или пограничным владением германоязычных народов, а Австро-Венгерская империя, которая только что распалась после долгого процесса разложения, была плодом организации, защищавшей Западную Европу от азиатского давления на юго-востоке. Она явно не была национальным государством, поскольку помимо германских и мадьярских элементов в ее состав входили многочисленные славянские и частично славянские народы горного обрамления вокруг среднего Дуная. День его величия совпал со временем сдерживания и начала отступления турецкого давления; его последующая история - это история ловкой дипломатии, направленной на сохранение власти, созданной для цели, которая теперь уже не была достигнута. Невозможность возобновления эффективного давления со стороны Азии на столь сильно вооруженный запад Европы уничтожила *смысл существования* Вены как города лагеря и двора, и потребуются еще большее развитие европейского единства, чтобы Вена окончательно заняла свое место нервного центра сухопутных коммуникаций

континента. Поэтому в настоящее время размеры и величие Вены кажутся неоправданными, и это вызывает явную тревогу. Гораздо меньший город прекрасно подошел бы для столицы небольшой территории, которая в будущем будет называться Австрией, а прошлые традиции Вены, выраженные в дворцах и роскоши, вряд ли будут естественным образом развиваться вокруг современного железнодорожного центра. Однако, осознавая необходимость укрепления единства Европы, мы не можем не почувствовать, насколько ценными могли бы стать университетские музеи и библиотеки Вены, если бы они получили международное развитие, чтобы дать Европе естественный культурный центр, уступающий только Парижу. Предложение сделать Вену столицей Лиги Наций свидетельствует о чрезмерном акценте на военных и дипломатических традициях Вены - аспекте жизни этого города, который, возможно, было бы опасно переосмыслить.

Но поскольку мы занимаемся народами Европы, а не государствами, этого небольшого упоминания о Вене должно быть достаточно, и мы можем перейти к рассмотрению языковых групп Европы к востоку от тевтонского и романского ареалов так же, как мы касались западных.

Балтийские или летто-литовские языки уже упоминались, и мало что еще нужно сказать, кроме того, что они долгое время испытывали двойное давление тевтонского и славянского влияний и вобрали в себя слова из обоих. Кроме них, говорят в основном на языках славянской семьи, и часто говорят, что славянские языки менее отличаются друг от друга, чем языки романской и тевтонской семей. Они в меньшей степени подверглись влиянию письменных форм, чем последние; устная традиция имела большее значение, и поэтому различия не стали такими устойчивыми, как на западе. Существует определенное количество споров относительно первичной родины славянской речи, но кажется все более вероятным, что она возникла как адаптация более древних форм индоевропейских языков населением Карпатской дуги и Польской платформы на ее северо-восточном фланге, и что она распространилась оттуда, особенно в послеримские века. Шлютер находит основания полагать, что в те века происходило значительное перемещение с холмов в долины и равнины, и с этим можно связать прогресс лесных вырубок и распространение славянских языков, особенно в сторону Московии. Большинство регионов славянской речи соприкоснулись с христианством прежде всего через Константинополь, но в случае с более западными из них влияние римской церкви перевесило влияние ее восточной сестры еще до того, как прошло много веков, и римские принципы распространились на восток вплоть до границ того, что было названо выше "Европой у моря".

Славяноязычные народы и границы Востока

Из западных славяноязычных народов чехи, населяющие холмистую страну Богемию, являются одними из самых значительных. Сначала они были христианизированы восточной церковью, но затем стали римско-католическими; ранний религиозный центр находился в Таусе (Домажлице), на богемском выходе с перевала из Баварии. Позже была основана Прага, ставшая столицей, и следует отметить, что в ней, как и во многих других славянских городах, собор находится внутри замка, что свидетельствует о связи между религиозным и политическим руководством, причем оба они зачастую были более западными (немецкими), чем остальное население. Вполне естественно, что небольшая, компактная и самобытная масса чехов рано достигла своего рода национального самосознания и что их страна, несмотря на свою физическую обособленность, принимала немецких иммигрантов, особенно вверх по Эльбе. О самобытности Богемии говорит тот факт, что Пражский университет, основанный по парижскому образцу, был первым университетом, основанным за Рейном; об этом говорит и то, что Богемия в столь ранний период, при Иоанне Гусе (ок. 1398 г. н. э.), восстала против папских злоупотреблений и, несомненно, стала бы раскольничьей, если бы не мощное военное давление извне. Тем не менее Богемии не удавалось сохранить политическую независимость в прошлом. После короткого периода могущества она ушла под влияние Габсбургов, когда Вена начала собирать вокруг себя Европу для защиты христианства. Позже (1620) чехи были покорены, а Контрреформация и иезуиты с их универсалистскими и антинационалистическими идеями подавляли славянскую традицию, пока она снова не вырвалась на свободу в возрождении романтической литературы и националистических чувств, которые были характерны для девятнадцатого века. В том же веке подъем промышленности привел в Северную и Северо-Западную Богемию еще больше немцев, превратив этот регион в своего рода "Ольстер", отличающийся по своим чувствам от остальной Богемии, которая была гораздо более сельскохозяйственной. Но подъем чешского чувства вновь распространил использование этого языка, несмотря на два века суровых репрессий, и Праге пришлось развивать чешский и немецкий университеты бок о бок. Отношение Богемии к Вене в политическом плане отражалось и на финансовом: до 1918 года Вена была в значительной степени денежным центром Богемии, в то время как эта страна обеспечивала остальную часть Австро-Венгерской империи значительной долей своих потребностей в промышленных товарах. В результате поражения Германии и Австро-Венгрии Богемия вновь поднялась к власти и имеет много преимуществ на ближайшее будущее, несмотря на острую нужду в удобрениях, машинах и кредитах. Ее новое правительство подает хорошие надежды и выгодно отличается от правительств некоторых других стран, внезапно поднявшихся после войны. Его проблемами станут организация сотрудничества с Германией и поиск замены старым финансовым связям с Веней.

Между Богемией и Карпатами, или, точнее, Татрами, находится физико-географическая впадина, как это часто бывает между складчатыми горами (например, Татрами) и старыми блоками (например, Богемией). Она занята рекой Марч (или Морава), называется Моравией и известна как Моравские ворота, поскольку через нее Вена сообщается на северо-восток не только с бассейном Одера через Бреслау, но и с бассейном Вислы через Краков. В Моравских воротах, более немецких, чем в Богемии, все еще преобладает славянский язык, с диалектами, уходящими на восток в сторону польского. В последнее время возникли

определенные трудности с определением границ между Моравией и Польшей, причем первая в соответствии с последними договорами была отнесена к чешскому, или, лучше сказать, чехословацкому, государству. Спор в основном касался Дечина (бывший Тешен), и был решен путем передачи Чехословакии большей части угольного месторождения и железной дороги, которая лежит в Чехословакии, как до вступления, так и после выхода с территории Дечина. Сам город Дечин отошел к Польше. Чехословакия включает в себя не только Моравию, но и простирается вдоль южного берега Карпат через регион словацкой речи и сельской жизни вплоть до небольшого района, где к западу от Карпат только что появился русинский язык. Благодаря своему языку эти русины должны иметь местную автономию в рамках Чехословакии.

Таким образом, новое государство имеет значительные размеры и включает в себя несколько диалектов славянского языка; оно является одновременно сельскохозяйственным и промышленным; оно крайне патриотично и, как можно услышать, настроено отделиться от Римской церкви, как это было в средние века. Это состояние в некоторой степени контрастирует с большинством славянских регионов, так как, несмотря на большой немецкий элемент, в Чехии больше однородности и силы культурных традиций, чем среди многих других славяноязычных народов.

На востоке давление со стороны азиатских лугов и плоскогорий препятствовало развитию общественной оседлой жизни в Средние века, когда она продвигалась дальше на запад, и, как следствие, население городов часто отличается по традициям от сельского. В сельской местности культурные связи правящих классов также часто отличались от связей простых деревенских жителей. В результате во многих районах долгое время существовало три социальных слоя, часто различающихся по языку, религии и политическим объединениям. В Верхней Силезии есть немецкие города, расположенные на польской земле, и хотя немецкий элемент появился здесь сравнительно недавно (и связан с развитием промышленности), он, тем не менее, иллюстрирует социальную и политическую проблему.

В средние века евреям, ранее населявшим земли на Рейне, было трудно вписаться в западные схемы, как мы знаем из английской истории, и некоторые переселились на восток (ашкеназим) в славянские земли, чтобы составить важный элемент населения городов, особенно в Польше, где их число увеличилось из-за царских ограничений на их поселение в самой России. Их язык, идиш, обычно описывается как модифицированный немецкий диалект, написанный ивритскими буквами и в некоторых других аспектах обязанный ивритской традиции. Поскольку у них есть собственное языковое и религиозное образование и поскольку межнациональные браки с язычниками были ограничены, из этого следует, что они образуют очень четкий блок, который очень трудно вписать в любую государственную организацию западного типа. Поэтому вопрос о том, являются ли недавние договоры, направленные на распространение западной теории государства на восток, наилучшим способом обеспечить жизнь соответствующих народов, остается открытым. Современному государству нужны города и промышленность; еврейский элемент в городах Восточно-Центральной Европы чрезвычайно важен, и от него нельзя отказаться иначе, как с большими затратами, а также с величайшей несправедливостью, и все же об ассимиляции евреев с язычниками в Восточно-Центральной Европе почти не может быть и речи. Развитие национального государства неизбежно задерживается при наличии столь разнообразных элементов, и схемы Лиги Наций по защите меньшинств предлагают ценную линию прогресса, если они могут быть реализованы.

На западе Польши крестьяне в большинстве своем поляки, горожане - евреи и немцы с небольшим количеством поляков, а аристократия до 1914 года была в определенной степени

немецкой. Дальше на восток аристократия была польской и в основном антинемецкой, крестьянство - польским, а промежуточные слои населения - в основном немецкими и еврейскими. Еще дальше на восток средний класс городов сохранял тот же общий характер, но в то время как аристократия была польской, крестьянство было литовским, белым русским или русинским, в зависимости от района. Достаточно поиграть в возможные комбинации между этими элементами, чтобы понять, как трудно обеспечить единство. Естественная судьба аристократии - угасание, если она не может пополнить свои ряды снизу, и это пополнение обычно означает окончательное слияние аристократии с традициями простого народа, классическим примером чего является слияние нормандской аристократии Британии с англо-кельтским наследием простолюдинов. Но слияние аристократий не привело бы к единству из-за мещанского элемента, в основном немецкого, и рабочего элемента, в основном еврейского. На западе мелкобуржуазный элемент рыночных городов часто выступал посредником между крестьянскими элементами разных регионов, но поскольку в Польше первый ни в коей мере не является польским, немислимо, чтобы он выступал посредником между польским крестьянством на западе и русинскими и другими элементами на востоке. В Румынии трудности аналогичны, как и в Венгрии. Части Югославии повезло в том, что у них более простая проблема.

Простой каталог народов Восточно-Центральной Европы с примечаниями вряд ли оправдал бы то место, которое ему потребуется в этой небольшой книге, тем более что подобная информация легко доступна в стандартных справочниках. Поэтому представляется более целесообразным в общих чертах обрисовать физические и растительные особенности Восточно-Центральной и Восточной Европы, чтобы выявить основные черты обстановки, в которой протекала человеческая жизнь, и изменения этой обстановки в зависимости от региона, благодаря чему в этих регионах выросли народы с различными взглядами и традициями.

Первый и самый простой физический факт - это огромное расширение европейской равнины, которая в районе между Рейном и Вислой представляет собой практически одну только Пруссию, а дальше к востоку к ней добавились древние элементы суши севера, так что ее фактическая протяженность составляет от Белого до Черного моря через градусы широты, а следовательно, и через заметные градации климата. Климатические факты также хорошо известны. Огромная площадь суши, а также тот факт, что она является лишь небольшим продолжением гораздо большей поверхности суши внутренних районов Азии, создают условия для плотного сухого холодного воздуха в течение всей зимы.

Форма равнины и, как следствие, возможность проникновения западных ветров на восток вдоль равнины летом, то есть когда холодный антициклон уходит, дает клин летних дождей, чередующихся со значительным теплом, и этот клин имеет огромное значение в географии человека. Это область, в которой может расти летний зеленый и зимний черно-белый лес, но, как уже говорилось, бук растет только в его западной части, и останавливается вдоль линии примерно от Данцига или Кенигсберга до востока Буковины.

Дальше к востоку клин занимают дуб и вяз, но ценный бук отсутствует. Область лиственных лесов включает в себя юго-западную Финляндию, а ее северная граница проходит на восток от окрестностей Петрограда до Вологды. На многих современных картах ее южная граница сделана слишком резкой; возможность ее роста здесь во многом зависит от влажности, поэтому она распространяется на более сухой юго-восток по рекам и другим линиям относительной сырости. Страна с зонами лиственных лесов, перемежающихся с травянистыми землями, называется "Украиной" или "Границей", а на ее границе, в направлении лугов и полупустынь, находится страна казаков, с донскими казаками на

западной стороне бесплодных участков у нижней Волги и оренбургскими казаками на их восточной стороне. Украина и ее восточные пределы в значительной степени покрыты землей, богатой органическими веществами (чернозем, чернозимье), и имеют возможности для значительного развития сельского хозяйства, если удастся разработать оседлую схему жизни. На юго-западе язык крестьянства - русинский, на востоке - русский, оба варианта славянской речи, но, похоже, им суждено все больше и больше расходиться друг с другом. Климат Русской равнины в значительной степени подавляет высшие классы интеллектуальной деятельности в сезоны сильного холода и жары, в результате чего те, чьи обстоятельства не дают им искусственной защиты от погоды, должны в значительной степени зависеть от рутины для продолжения социальной организации. Таким образом, условия не благоприятствуют развитию сложного единства на обширной территории, и поэтому локализм является преобладающей тенденцией, несущей в себе вероятность сохранения и даже развития диалектных различий, а не языковой унификации. Эти краткие сведения дают нам представление о некоторых серьезных, хотя и менее оцененных проблемах правительственных схем в разнообразных растительных регионах того, что когда-то было Россией, которая до сих пор не имеет удобных орографических границ между своими различными частями.

Наши воспоминания с ранних лет хранятся в основном в вербальных формах, и, как следствие, язык нашей ранней юности имеет глубоко укоренившиеся ассоциации, которые остаются в сознании или бессознательном воспоминании, последнее - если мы забываем нашу раннюю речь и учим новый язык. То, что старый язык не полностью утрачен, доказывают эксперименты в гипнозе, которые показывают, что ассоциации старого языка остаются, и поэтому ассоциации со вторым изучаемым языком, как правило, остаются неполными, если не приложить особых личных усилий, сделанных, следовательно, сверхнормальным разумом, чтобы преодолеть эту трудность. Таким образом, общие языковые ассоциации раннего детства являются важнейшим связующим звеном между людьми, способствующим взаимопониманию, облегчающим общение и взаимное доверие для субнормальных и нормальных, а не сверхнормальных индивидов, составляющих основную массу населения, и это помогает нам понять, почему языковая единица так важна в политических вопросах, а языковое единство так часто является основой успешного государства, которое, следовательно, так трудно организовать в Восточной Европе.

Эти рассуждения в большей степени относятся к региону, ранее известному в политическом плане как Россия, но они также в определенной степени в Юго-Восточной Европе, хотя языковые явления там в некоторой степени замаскированы другими. Регион, известный как Балканский полуостров, в значительной степени представляет собой возвышенность с возможностями сезонного выпаса скота на холмах, и это, наряду с неустроенностью, вызванной контрастной жизнью тонкой прибрежной каймы и давлением со стороны Малой Азии и севера, препятствовало эволюции оседлой жизни, рыночного города и национального государства.

Тонкая прибрежная полоса - это зона средиземноморской жизни, в которой уже до классических времен мотыжное земледелие и уход за фруктовыми деревьями стали одной из основ жизни, но торговля была почти столь же важна. Это дом города-государства, и в мирное время главным языком здесь становился греческий, а на Адриатическом побережье - латинский, а позднее итальянский. Во времена беспорядков торговый элемент, по-видимому, был частично вытеснен, а славянские или славянизированные элементы распространились, так что в Далмации можно бесконечно спорить о родстве социального

наследия народа, и то же самое можно сказать о различных частях северного побережья Эгейского моря.

Внутри страны большая высота предполагает холодные зимы, и они наступают даже в низинах, когда последние открыты на север (Вардар) или на восток (Дунай). Таким образом, условия здесь практически такие же, как в Центральной и даже Восточно-Центральной Европе, и поскольку социальная эволюция была затруднена, мы все еще находим здесь значительную часть сезонного кочевничества или *трансгуманизма* (стр. 90), заметное выживание большой семейной ячейки, владеющей и обрабатывающей земли совместно (сербская Задруга), и ранний и все еще слабо организованный тип города (особенно малые города Румынии). Еврейский элемент (ашкеназим в Румынии) имеет коммерческую ценность в большинстве городов, а пережитки тюркской культуры встречаются повсюду.

В то время как земли, где сейчас говорят на романских, кельтских или тевтонских языках, получили значительные элементы цивилизации и, соответственно, религии из Рима и западного Средиземноморья, восток Европы в значительной степени находился вне сферы римского влияния и получил вклад в свою цивилизацию и религиозную организацию из Константинополя, что привело к разным результатам, хотя Константинополь многим обязан Риму, и хотя и Рим, и Константинополь оглядываются на древнюю средиземноморскую цивилизацию.

Рим, через империю или церковь, распространил свои идеи на восточные пределы Европы-моря, до границы Припетских болот в центре, и дальше на север, до границ Балтийского моря. На юге граница римской деятельности, сохранившейся в Церкви, в основном проходит по периферии Адриатического моря, а сложные взаимоотношения между Римом и Византией существуют по всей Юго-Восточной Европе. В тех частях Балканского полуострова, куда легче добраться из Константинополя, и на Русской равнине с ее доисторическими связями через Киф и т. д. с Византией и Эгейским морем, сохранилась византийская организация Церкви. В Юго-Восточной Европе, на Дунайских землях и Карпатской дуге, мы имеем спорную зону между двумя организациями, клин слабости, в который смог проникнуть ислам, как указал мне профессор Стэнли Робертс.

Даже на западе, в Богемии, первое появление христианства было связано с византийской деятельностью, но конфликт Константинополя с Азией и трудности коммуникаций были против сохранения этого элемента, и римская традиция утвердилась в Богемии, Польше, Венгрии, Хорватии и в значительной степени в Славонии.

В восточных Карпатах в XVII веке был достигнут интересный компромисс в виде признания униатской церкви, признающей Папу Римского, но сохраняющей славянский обряд. Преследование этой церкви романизаторами в Польше и Византийской церковью в России является большой проблемой в настоящее время, но следует понимать, что Римская церковь не оспаривает действительность византийских порядков священства и таинств, так что разница между римским и греческим христианством не так глубока, как между Римской церковью и западными раскольниками, такими как кальвинисты, лютеране, англикане и так далее.

С другой стороны, в организационном плане между двумя церквями возникли очень важные расхождения, которые глубоко влияют на жизнь народа. Западная церковь, основанная на Римской империи, в раннем Средневековье и во время Контрреформации пережила волну энтузиазма по поводу единства Европы, и дифференциация религиозных организаций внутри различных языковых групп Западной Европы была проверена. В результате более отдаленные из них отделились от Рима, но те, что остались римскими, все хранят верность

Папе, что создает проблемы для многих современных государств. Уже упоминалось об огромном значении иезуитов в поддержании этой "универсалистской" черты религиозной и социальной жизни.

На востоке Константинополь, долгое время вовлеченный в безуспешный конфликт с Азией и исламом, не имел достаточно сильных позиций для распространения аналогичных волн энтузиазма. Кроме того, ее линии связи были крайне затруднены, и ее послы религии больше зависели от местных факторов и местной помощи. Кроме того, некоторые земли, до которых она добиралась, ничего не знали о Риме, и здесь ее влияние сохранялось, в то время как другие, такие как Венгрия и т. д., некоторое время находились в империи, управляемой из Рима, и тяготели к Римской церкви. Случай Валахии и Молдавии следует оставить для более позднего обсуждения.

Таким образом, Восточная церковь провела универсалистскую идею не так далеко, как Римская. Она создала дочерние церкви, иногда с хорошо заметными особенностями, в пределах языковых групп, так что теперь верность той или иной ветви Восточной церкви часто становится критерием национальности в балканских областях языковой градации и смешения. Религиозная организация, как правило, находится в рамках государства, а в Восточной Европе часто заменяет его, а не стоит над государством, по крайней мере, в своих притязаниях, как на Западе.

Имея в виду эти факты положения, физиографии, народов, языков и религии, мы можем теперь перейти к несколько более подробному обзору народов главных природных областей Европы к востоку от тевтонской и романской, допуская, что богемский (чехословацкий) горный народ и поляки уже в значительной степени рассмотрены.

К северу от леса осеннего листопада болота простираются далеко и широко между Петроградом и Вологдой, а на их северных флангах холод почвы настолько ограничивает корневую деятельность, что сосны и березы являются главными лесными деревьями, а лес лишь местами стоит расчистить для выращивания кукурузы. Это регион охотников, рыболовов и собирателей, с небольшим количеством животных и скудными посевами на небольших участках. Его народы включают большой элемент, связанный с народами Арктической Азии, самоедами и саамами, и элемент среди финнов, и именно этот элемент обеспечил языки региона в нескольких частях. Финн - это смесь азиатско-арктического типа широкоплечих темнокожих людей с высокими светлокожими длинноволосыми народами Северной Европы, и поскольку именно первые обеспечили язык, вероятно, они же обеспечили и женщин, то есть нордики были лесными охотниками и искателями приключений, передвигавшимися без большого количества женщин. В Карелии (к востоку от новой Финской республики) финн имеет более азиатскую внешность, чем в самой Финляндии, и для последнего народа госпожа Чаплицкая предлагает использовать название "финны". В Карелии и бассейнах рек, впадающих в Белое море, естественно, также присутствует значительная славянская примесь. Древность азиатской иммиграции является спорным моментом: она может быть очень древней, как утверждал Пике, но он и другие склоняются к тому, что это движение было довольно недавним, и связывают древние арктические культуры региона со старыми типами длинноголовых людей. Вблизи Балтийского побережья физический тип людей становится практически чисто нордическим в нескольких местах, а некоторые районы на побережье говорят на шведском языке, как и жители Аландских островов.

Юго-запад Финляндии настолько подвержен влиянию моря, что имеет зону леса листопада, а значит, может выращивать приемлемое количество кукурузы. На нем расположены

европейские по сути города Або и Гельсингфорс, а связь с морем и западом проявляется не только в том, что "балтийский" стиль характеризует большинство финских вещей, но и в том, что Финляндия стала римско-католической под влиянием миссий из Швеции в двенадцатом веке. Таким образом, она контрастирует с более восточными регионами, которые были христианизированы Восточной церковью. До становления России как державы шведское влияние преобладало в Финляндии, но рост Петрограда и попытки российской власти организовать себя на западный манер изменили баланс, и Россия стала доминировать, окончательно присоединив Финляндию к царским владениям в 1809 году. В XIX веке самодержавная Россия предпринимала долгие и тщетные попытки работать в двойной упряжке с Финляндией, которая по традиции принадлежала к Западной Европе, отделилась от Римской церкви и стала протестантской во время Великого раскола и вместе с Западной Европой переживала националистическое возрождение со своим литературным движением, пытавшимся в данном случае увековечить финский язык и развить его как язык культуры. Как и в некоторых других северных регионах (в частности, в Норвегии), аристократия влилась в народ и стала ведущим элементом в торговле и коммерции. Небольшое количество хорошей земли сделало ее ценным достоянием, и финны проявляют большой интерес к крестьянскому владению. Во всех этих отношениях контраст между ними и Россией сильно выражен, и новые правители России, очевидно, признали это в своем договоре с теперь уже суверенным государством Финляндия. Лес Финляндии - ценный актив, а ее скот, вероятно, принести ей некоторое богатство; ее будущее - как балтийского народа и, можно надеяться, члена будущей балтийской федерации. Аландцы населяют лабиринт островов, которые являются частично затопленным продолжением финского плато; их исторические ассоциации связаны с Финляндией, но, как и жители некоторых прибрежных районов Финляндии, они говорят на шведском языке. Лига Наций предложила им схему местной автономии под властью Финляндии, и этот вариант рассматривается, но, похоже, они желают более тесной связи со Швецией. Такая связь в образовательном и религиозном плане была бы очень ценной, и здесь мы имеем лишь еще один пример тормозящего влияния нашего нынешнего чрезмерного упорства на идее суверенного государства, а не Соединенных Штатов Европы. Карелы и другие финские народы на севере, к востоку от Финляндии, в значительной степени пострадали от монашеских поселений, созданных Восточной церковью; они могут зарабатывать на жизнь частично лесозаготовками, частично торговлей пушниной; земледелие и даже скотоводство должны оставаться слабо развитыми.

Повернув на юг от линии Петроград - Вологда, мы, по крайней мере теоретически, оказываемся в зоне леса листопада, то есть леса с дубом и березой, но не с буком. И здесь народы Балтийского побережья сильно отделены культурными ассоциациями от народов внутренних районов, но что касается внутренних районов, то проникновение финского или более широкого азиатского влияния не столь заметно, пока мы не выйдем к Волге ниже Казани, где находится мордва. В этом восточном регионе также встречаются группы с татарской речью и азиатским происхождением, некоторые из которых были постепенно вынуждены прошлыми российскими правительствами отказаться от кочевого скотоводства и стать оседлыми земледельцами. В настоящее время вокруг Казани находится Татарская республика (1921). Азиатское влияние, тем не менее, прослеживается в телосложении русских москвичей, хотя главным образом они обязаны своим наследством широкоплечему, смуглому, центральноевропейскому народу, который колонизировал русский лес постепенно с более открытых земель польско-галицийской платформы, двигаясь по южной стороне Припетских болот и вступая в москвичий лес через днепровскую переправу у Кифа. Важным элементом в жизни народа была его связь со средневековой пушной торговлей Ганзы, и изучение русского телосложения позволяет предположить наличие нордической примеси по всей стране, особенно среди землевладельцев; но сельские

жители в основном относятся к широкоплечему типу, характерному для горной оси Европы, хотя в лучших землях они выше, чем в Альпах и Сиверских, и в других отношениях больше похожи на некоторые типы, встречающиеся на Балканском полуострове.

Социальное изучение населения Центральной России, вероятно, является одним из лучших ключей к пониманию того этапа нашего собственного прошлого в Западной Европе, когда поселение на лесных вырубках было наиболее заметной чертой развития социальной организации. Царское правительство в последние годы продолжало проводить политику модернизации сельского хозяйства, но, по словам одного из сторонников этой политики, сельские жители вернулись к старым коммунистическим схемам, как только военный кризис заставил их положиться на самих себя; это была единственная схема, которую они понимали.

Насколько это действительно так, или насколько хотя бы некоторые из сельских жителей пытались развивать индивидуальную собственность, остается под вопросом, но несомненно, что местничество и советская идея стали заметными чертами в России, парализовав более современные схемы жизни, которые ранее пытались распространиться в стране с ростом промышленности и торговли. То, что более современные схемы позволяли увеличить численность населения, кажется очевидным, но то, что они сталкивались с трудностями, обусловленными как климатом, так и историей, не всегда оценивается. Запад в XIX веке был слишком склонен считать, что его индивидуализм применим ко всем условиям и народам мира; он недостаточно понимал свой индивидуализм как исторический рост в западных условиях, который скрывал конфликт, например, между ним и христианством, которое Запад считал для себя приемлемым. О жизни русской деревни мы еще расскажем позже, но хорошо бы иметь в виду ее отношение, чтобы сравнить его с характеристиками балтийской окраины. Здесь после войны были созданы новые государства, признанные (1921) Лигой Наций под названиями Эстония, Латвия и Литва.

В двух первых присутствует прибалтийско-германский элемент, который в прошлом был землевладельческим классом и имеет исторические связи как с тевтонскими рыцарями, так и с Ганзой - Рига является старым ганзейским городом, имеющим особое значение.

Финский элемент достаточно силен в Эстонии, чтобы навязать свой язык народу, но дальше к югу преобладают языки древних балтийских племен, и новые государства в основном основаны на крестьянском языке, а немецкие элементы игнорируются и в значительной степени лишены собственности. Пройдя стадию феодального подчинения, крестьяне стремятся к индивидуальному владению, как это было в XVIII веке во Франции; война привела к социальной революции в этой пограничной зоне между владениями двух церквей, имеющей заметное сходство с революцией 1789-93 годов во Франции. В стране, где говорят на языке эстов, почти нет сосновых лесов, и, как говорят, только 10 процентов земли можно возделывать. Хотя страна Лэтты лучше, она не может выращивать ни бук, ни дуб в какой-либо степени; она заинтересована в молочном животноводстве, и в этом вопросе, естественно, имеет торговые связи с Данией. Литовцы представляют собой серьезную европейскую проблему; они избежали германизации со стороны рыцарей Тевтонского ордена, а вместо этого ощутили на себе полонизацию своей аристократии, лучшие отпрыски которой давно нашли возможности в Варшаве. В литовской стране находится Вильно, станция на единственном достаточно сухом пути с запада в Центральную Россию, и поэтому торговый город с большим количеством немецких, еврейских и польских элементов, иллюстрирующий трагичнее, чем любой другой город, трудность создания государств в этой восточной

пограничной зоне Западной Европы. Леса Литвы очень важны для экономического будущего страны.

Таким образом, к югу, как и к северу от линии Петроград-Вологда, мы имеем контраст условий на западе, в центре и на востоке, но на юге финский элемент выражен гораздо меньше, а центральноевропейский - гораздо сильнее. Продвигаясь на юг за Припетские болота, мы обнаруживаем соответствующие контрасты.

На западе польская платформа переходит в юго-восточную часть Украины или Пограничной земли, с ее большими участками лёсса, но также и с участками леса, особенно у водных путей. Леса редуют по направлению к открытой степи Южной России, которая, в свою очередь, переходит в пустыню у Каспия. Открытая степь Южной России является продолжением великих степей Азии.

Чтобы понять народы этого пояса, давайте вспомним, что в древних могилах много длинноголовых черепов, и что этот элемент в народе, вероятно, сохранился в большей степени, чем показывают средние цифры, несмотря на давление центрально-европейских, по крайней мере, славяноязычных, иммигрантов с запада через Киф и татарских иммигрантов с востока. Византийские элементы с юга также необходимо учитывать в народе и в его цивилизации, и в этом отношении Киф стал таким же заметным византийским священным городом России, как Кентербери - романо-галльским священным городом Англии.

В Украине поляки провели большую организационную работу и поставили себя в положение землевладельцев и вождей над русинским крестьянством. Помещики были привержены римско-католической вере, а крестьяне - униатской церкви, пока последняя не была подавлена Россией. Граница Украины со степью - очень сомнительный вопрос. Здесь - зона беспокойствия, где то татарское давление, то европейское; здесь - предел оседлой жизни, а возделанные участки нуждались в особо бдительной обороне. В этих условиях казачий народ вырос с военным устройством общества и землевладением за службу. В состав народа, по-видимому, входит элемент старого длинноголового населения (см. [с. 11](#), [14](#) и [77](#)), а также славянский и татарский вклад, евреи и немцы в городах, которые в основном возникли недавно, и пестрое скопление беглых крепостных и безземельных людей со всей округи.

Донские казаки довольно сильно отличаются от оренбургских и сибирских казаков, которые живут к востоку от пустынных участков, расположенных к северо-западу от Каспийского моря. На территории, которая в целом является казачьей страной, находится совсем другая Кубань, с почти средиземноморским климатом и возможностями выращивания фруктов; говорят, что в последние годы волнений она некоторое время имела свою собственную автономную организацию. Ее жители, несомненно, связаны с различными элементами среди казаков, но можно предположить, что потомки старых торговцев более заметны, чем в других местах. Группы татар (тюрков) настолько очевидно являются вторжением из Азии, что нам не нужно много говорить о них как таковых; мы можем с большей пользой для себя считать их натиском на Европу в одно время и натиском со стороны Европы в другое.

Их племенная организация на основе родства и мобильность время от времени придавали им силу и сплоченность для наступательных целей, и как гунны, мадьяры, булгары, шеклеры и татары они были грозными препятствиями на пути заселения Восточной и Юго-Восточной Европы по западному образцу. Прежде всего отметим, что гунны, мадьяры, шеклеры и булгары, проникая далеко из южнорусской степи либо через Железные ворота, либо через Карпаты, либо через Дунай в Балканские горы, становились оседлым населением.

В Венгрии они сформировали земельную аристократию с ее сельскими иждивенцами, оставив заселение городов в основном евреям, немцам и лицам смешанной крови. На Балканах в менее благоприятных условиях и при вмешательстве турок они слились в южнославянский народ, но в ходе этого процесса видоизменили его и его язык. На юге и востоке России до сих пор сохранилось много отдельных групп, а Крым уже давно принадлежит им в принципе. Отношения этих азиатских воинов с Москвией составляют политическую историю средневековья на будущей Русской равнине, и когда эта равнина стала русской, ее религиозное самодержавие нашло больше возможностей для сотрудничества с азиатским элементом, чем с западными державами, которые в то время быстро развивались в сторону индустриализма. Так и получилось, что исторический эксперимент Петра Великого по вестернизации, трудный по причинам климата, положения и возможностей, провалился, и царство оказалось втянуто на Восток в целом против своей воли.

Западный путь азиатских скотоводов за пределы Южной России привел их в Молдавию и Валахию, где в Карпатах и на холмах центра Балканского полуострова нашло убежище коренное влашское население. Это население с языком, имеющим латинское синтаксическое родство, и 60-процентным славянским словарным запасом. На нем говорят люди, которые с гордостью вспоминали времена римской оккупации своей земли как Дакии. Таким образом, влахи, в сущности, круглоголовые центральноевропейцы, как и славяне в целом, стали отличаться от своих соседей в речи и в гордости. В религиозном отношении открытость входа в Дунай и прибрежных путей по западной стороне Черного моря сделала народ членами Восточной церкви в Молдавии и Валахии, но влахи трансильванских холмов в значительной степени являются или являлись членами униатской церкви ([стр. 70](#)), промежуточной, как уже говорилось, между римской и восточной. После столетий подчинения и дробления влахи (1919) внезапно оказались объединенными в новой Румынии, с политическим и аграрным влиянием, отвоеванным их бывшими мажарскими, щецлерскими и немецкими господами, а крестьянство Валахии и Молдавии также получило значительную часть земель, ранее находившихся в аристократических, хотя в этом случае часто не чужих руках. Старое направление развития страны находилось в руках аристократии и часто подвергалось критике на западе. Считалось, что еврейское и немецкое население городов специально сдерживается. Будет ли новое правительство просто продолжать старое с примесью крестьянства или же оно будет стремиться к новой линии, еще предстоит выяснить. Во всяком случае, интересно, что эта большая языковая группа впервые стала государственной единицей, и трагично, что столь неопытная группа имеет внутри себя такие большие и, если уж на то пошло, ценные элементы чужого языка. Говорят, что восточный аспект общества хорошо заметен в малых городах, в то время как большие были вестернизированы, но сомнительно, что мы не должны быть более правы, описывая эти малые города как более похожие на наши собственные в ранние средневековые времена, прежде чем сады-замки были построены, чтобы разместить людей, толпящихся в их стенах в поисках защиты.

Влахи за пределами новой Румынии, в центре Балканского полуострова, иллюстрируют нам важную проблему этого беспокойного региона. Если для того, чтобы получить представление о ранних этапах оседлой земледельческой жизни в Европе, мы, естественно, обращаемся к России, то на Балканах мы можем увидеть остатки еще более ранней схемы общества, когда родственные группы перемещались с места на место вместе со стадами и отарами. На полуострове западные горы приютили множество древних местных кланов, и как бы эти горные кланы ни пострадали от давления славян, болгар, греков, римлян, турок, мажар и германо-австрийцев, значительная группа осталась верна своему дославянскому языку

(албанскому) и, несмотря на глубокие религиозные различия между собой, кажется, склоняется к некоему смутному национальному единству, в основном в качестве защиты от греков и славян в следующем поколении. Следует понимать, что это старое население, даже когда оно славянизировано, часто наиболее отличается от славян, и что они и влахи являются ближайшими приближениями к автохтонному населению на полуострове. В большинстве своем они ограничивают свои перемещения сезонными сменами вершин и склонов, и, подобно горцам Шотландии и другим подобным народам, совершают набеги на долинных земледельцев, поскольку если "горные овцы слаще, то долинные - жирнее", как выразился Пикок. Среди албанских народов греческая церковь в разное время вела активную пропаганду, а поскольку они находятся недалеко от Адриатики и римской Виа Эгнатия, римская церковь также использовала возможности укрепить их против греческого давления. Более того, по всей этой горной стране манихейские идеи в равной степени вытеснили старое язычество и примитивное христианство, а с манихейским неприятием символизма и всякого приближения к идолопоклонству возникла естественная тенденция без особых проблем принять ислам, когда его принесли завоеватели. Так, вдоль западных гор Балканского полуострова сохранилось множество старых групп, утвержденных в своих древних владениях турками и исповедующих ислам, преемственно следуя манихейским доктринам, а не христианству. Поскольку люди, живущие на окраинах истинно албанских кланов, говорят на двух языках, во многих случаях возникают такие же сомнения относительно правильных политических границ албанского государства, как и относительно границ государства Уэльс, если бы его предложили сделать отдельным от Англии и враждебным ей! Много вреда в последнее время причинили добросовестные демаркаторы, проводящие линию границы по "пустым" хребтам, которые на самом деле были летними пастбищами или путями к ним для многих пастушеских кланов, теперь отрезанных от средств к существованию и разоренных или вынужденных заниматься мародерством. Среди албанских кланов лидеры часто представляют собой довольно красивые типы, сила которых обусловлена длительным сохранением традиций, а переход в ислам не был таким фундаментальным, как можно было бы предположить. Тем более прискорбно, что антипатия между ними и их славянизированными братьями стала столь острой.

На западе полуострова, к северу от области албанской речи, многие люди являются славянизированными автохтонами, а не настоящими славянами-вторженцами, и это справедливо для гор Черногории и Боснии, в последней из которых большое число землевладельцев - мусульмане. Славяне, однако, проникли повсюду из долин Саве и Моравы, хотя до сих пор часто можно узнать старый горный тип. Оба они широкоплечие и являются ветвями одного и того же основного фонда, но старый горный тип часто крупнее и стройнее, и, по-видимому, существуют сопутствующие умственные различия. Во всяком случае, эти различия оказались практически полезными при общении с беженцами из Сербии во время недавней войны. Различие между иллирио-славянами и булгаро-славянами на западе и востоке Балканского полуострова имеет неопределенные градации и сопутствующие осложнения, связанные с влахскими элементами на холмах и давно укоренившимися греческими элементами на прибрежной равнине. Обращение к расе и языку как основе для политического разделения почти бесполезно; обращение к истории вводит в заблуждение, поскольку, как и на раннем западе Европы, так и здесь мы видим внезапный рост и более внезапный крах империй, основанных на способностях и амбициях лидера; обращение к религии поощряется тем, что восточное христианство склонно поощрять национальные церкви и имеет образование в своих руках. Таким образом, мы видим, что болгары с помощью образовательной пропаганды сделали свой вариант балканской речи окончательным в большей части Македонии, и что конфликт между ними и сербами стал смертельно острым, тем более что и те, и другие использовались в качестве

кошачьих лап великими державами Европы с тех пор, как ослабла турецкая власть. Возведение организованных политических границ внутри полуострова ограничило свободу передвижения бродячих пастухов, и, похоже, особенно затронуло влашские элементы в центре, которые, как говорят, теряют свой отдельный характер и оседают. Это также обострило междоусобные конфликты, тем более что Россия, Франция и Британия увидели возможность использовать Сербию, начиная с 1906 года, для сопротивления Центральным державам, а Болгария стала представлять меньший интерес для царства по мере того, как она становилась достаточно сильной, чтобы обходиться без российской опеки.

В целом, если Россия дала нам пример неудачной попытки прикрепить государственную организацию к населению, глубоко погруженному в местничество и традиционализм, но оседлому и обрабатывающему землю, то Балканский полуостров трагически иллюстрирует слабости конкурирующих попыток прикрепить государственные организации к населению, часть которого еще едва достигла стадии оседлости. Трудности на полуострове, несомненно, усиливаются резкими контрастами между внутренними горными районами и прибрежной окраиной, на которой уже тысячелетия играют влияния Крита и Вавилона, Финикии, Греции и Рима.

Это средиземноморская окраина с ее мотыжным земледелием и оливковыми деревьями, уже давно ставшими преемниками древней культуры ячменя, а торговля является настолько давней вторичной чертой ее жизни, что наблюдатели нередко принимают ее за основную. Римские идеи распространились вдоль берегов Истрии и Далмации и, несмотря на славянизирующее влияние, остались сильны в Заре, Фиуме и Триесте, а Хорватия и Славония, хотя и остались славянскими, но их религия стала римско-католической, а алфавит - западным. Таким образом, получается, что не очень глубокое различие в языке между славянскими регионами Сербии, с одной стороны, и Славонии и Хорватии, с другой, подчеркивается тем, что одни используют кириллицу, другие - западный алфавит, и у каждого есть свои системы школ на религиозной основе, что является серьезной проблемой для нового государства Югославия. Вероятно, недавнее урегулирование адриатической ссоры между Италией и Югославией представляет собой справедливый компромисс между ними.

К югу от Албании и вокруг Эгейского моря в прибрежной полосе преобладает греческий элемент, и новая Греция претендует на включение всех этих прибрежных земель и на возвращение Константинополя, великого межконтинентального города, который в то же время командует путем из степных земель в Великое море. Константинополь является более морским преемником менее морской Трои древности, и это, в сочетании с его историей как основы Восточной империи, штаб-квартиры Восточной церкви и резиденции исламского халифата, кажется, говорит против его поглощения в организации национального государства и его управления доверенными лицами, действующими не меньше от имени ислама, чем от имени Европы. Проблема Константинополя - это также проблема прибрежной окраины, где бы ни находились негреческие жители. С точки зрения языка греческие притязания сильны; с экономической точки зрения, опять же, торговцы имеют право на защиту, но отрезание побережья от внутренних районов должно нанести ущерб последним. К сожалению, о попечительстве для управления практически не может быть и речи из-за того, что практически каждая европейская великая держава интригует за первостепенное влияние, и все они справедливо подозреваются. Таким образом, как национальное, так и международное решение проблемы политической и социальной организации балканской жизни представляется сопряженным с трудностями, и можно лишь настаивать на старом, старом аргументе против проповеди "Мир, мир" там, где нет мира. В настоящее время

надежда, по-видимому, возлагается на малые государства Европы и, возможно, на американские державы, поскольку Латинская Америка, по-видимому, захочет сыграть такую роль в реорганизации мира, какую оправдывает ее растущее экономическое значение.

Реальные трудности балканских народов во всех отношениях усугубляются их катастрофической политической историей, поскольку ни у одного из них на протяжении веков не было разумных возможностей для самовыражения. Поэтому им не хватает опыта и дисциплины управления, и у них мало эффективных письменных традиций, в результате чего то, что пишется сейчас, часто сильно отличается от разговорного языка крестьянства, и, соответственно, искусственно и лишено здоровой стандартизации. Можно противопоставить удаче норвежцев относительно спокойные возможности возрождения народной жизни и наличие мудрого и яркого Бьорнсена для развития литературного выражения в преемственности с народной традицией.

О турке в Европе в настоящее время нельзя сказать ничего определенного. Его телосложение в значительной степени европеизировано, и сомнительно, что в Европе за пределами восточной Фракии осталось много истинно тюркского. Мусульманские элементы в Албании и Боснии в большинстве своем имеют другое происхождение, как уже говорилось. Константинополь и Адрианополь - явно тюркские.

Итак, хотя различные новые государства Апеннинского полуострова существуют в основном на языковой основе, следует отметить, что влахоязычные народы рассеяны группами на территории нынешней Югославии, и их численность, по разным оценкам, достигает 250 000 человек и более. Значительная часть югославской Македонии, вероятно, считает себя булгарами, а в македонских городах есть греческие элементы. Кроме греческих элементов в городах, в уменьшенной Болгарии мало что является чужеродным. На всех вновь приобретенных территориях Румынии проживают группы, говорящие на разных языках и придерживающиеся разных традиций, и ей придется проявить максимум осторожности, чтобы не допустить серьезных проблем в ближайшем будущем. Югославия включает в себя много немецких, немного итальянских, немного мадьярских и немного румынских, а также греческие и более или менее болгарские элементы, и нейтральная комиссия должна тщательно изучить вопрос об албанских границах. Приобретения Италии в Истрии включают большой югославский элемент. Греческие приобретения имеют настолько смешанное население, что мало что можно сказать в деталях. Наконец, в городах широко распространен еврейский элемент; ашкеназский (среднеевропейский) элемент очень силен в Валахии и особенно в Молдавии, а сефардский элемент (когда-то испанский) имеет свою штаб-квартиру в Салониках. Прежде чем оставить балканские народы, следует отметить, что, помимо их древней ненависти, между ними есть все основания для взаимопомощи. Румыния с ее пшеницей и кукурузой, Сербия с ее лесными свиньями, сливами и другими фруктами, Болгария с ее смешанным земледелием и греческие зоны с их маслом и вином могли бы дополнять друг друга, если бы подозрения были ослаблены и взаимные кредиты организованы. Греческий элемент, с его многолетним опытом торговли, был бы естественным посредником, как это видел Венизелос, когда планировал Балканскую федерацию; очевидной опасностью была бы эксплуатация производителей посредниками, особенно если бы последние занимали сильную политическую позицию.

Использование чешского, словацкого, польского, русинского, сербского, хорватского и словенского языков в течение столетий в основном в качестве сельских языков, при этом немецкий в значительной степени был языком франка для общения образованных людей, а мадьярский язык насаждался в Венгрии и вокруг нее аристократией, препятствовало росту славянских языков до XIX века, и в этом веке именно чешский, польский и хорватский языки

продвинулись к статусу языков цивилизации. Рутенский язык остается в некотором смысле самым отсталым членом группы, настолько, что его претензии были явно проигнорированы составителями последних договоров. Рутены к западу от Карпат населяют бедный регион, который должен быть включен в состав Чехословакии с определенной степенью местной автономии. Рутены на территории, которая когда-то была Галицией, в значительной степени находятся под властью поляков, и эта территория будет включена в состав Польши, в то время как рутены Буковины и западного берега Днестра теперь включены в состав значительно расширенной Румынии. Возможно, в новых условиях эти народы уложатся в рамки, созданные договорами, - рамки, основанные в значительной степени на физической географии. Но, с другой стороны, если Украина станет сильной, а русинский язык будет развиваться, то, несомненно, существует возможность роста идеи "Ruthenia Irredenta", которая впоследствии может принести трудности. В настоящее время русины вполне могут использовать русский язык в качестве своего языка.

Здесь, кажется, самое подходящее место для краткого перечисления народов Восточно-Центральной и Восточной Европы, чьи языки не принадлежат к индоевропейской семье, хотя многие из них уже упоминались. Саамы, живущие между высокогорными болотами Скандинавии и Кольским полуостровом, говорят на языке арктическо-азиатской группы и являются кочевниками, занимающимися оленеводством; их численность невелика, но они создают любопытный фон для скандинавской жизни; в результате некоторых межнациональных браков некоторые шведы стали носителями их черт. Формы финской речи, все более или менее родственные, широко распространены от Финляндии до Урала, а националистические и демократические движения прошлого века укрепили речь собственно финнов за счет шведского, старого языка внешних культурных связей в Западной Финляндии, и русского, который пыталось навязать царское правительство. Эстх тесно связан с финским языком и в новых условиях номинальной независимости может сохранять свою связь с финским языком, несмотря на бедность земли и народа. Ливский язык родственен эстх и до сих пор сохранился в некоторых районах Латвии. Различные группы финнов, сохранившие свои языки, до сих пор остаются обособленными в Пермском крае, под Казанью и Саратовом. Татарские группы на границе лугов и пустынь на юго-востоке России настолько очевидно принадлежат к Азии, что их можно не упоминать в этом обзоре. Как и многие другие горные регионы, Кавказ является убежищем для древних расовых типов, старых обычаев и старых форм речи, но их изучение увело бы нас далеко от европейских проблем.

Булгар упоминался как язык с татарским элементом, хотя он был в значительной степени славянизирован, но эта участь не постигла мадьярский язык, который является отличительной чертой бывшей правящей касты в Венгрии и Трансильвании. Язык используется как мадярами в Венгрии, так и шеклерами, народом близкого происхождения, в некоторых районах Трансильвании. Эти люди почти полностью европеизированы, но поскольку на раннем этапе истории они обеспечили определенную степень национальной сплоченности и тесной привязанности к своей земле, их язык продолжает жить, и в последнее время его использование поощряется политическими амбициями; он стал признаком правящей касты. Теперь он может стать опорой для стремления к национальному восстановлению после краха 1918 года и тяжести недавнего договора. Европейские державы, определяя новые границы, по крайней мере, предложили мадярам кампанию языкового национализма, поскольку в уменьшенной Венгрии на ее языке говорит значительное число людей, которые теперь являются подданными государств, расположенных вокруг ее границ. У чужаков не было стимула изучать мадьярский язык, и он

остается изолированным в Европе, бесполезным за пределами своей родины и вряд ли внесет большой вклад в развитие других языков.

9

Некоторые этапы эволюции европейской жизни до промышленной революции

Мы уже обошли все основные языковые группы Европы и в ходе этого быстрого исследования отметили, что в то время как народы романской и тевтонской речи создали организацию, известную как национальное государство, в большинстве случаев на основе языкового единства, народы славянских регионов, за частичным исключением Богемии, почти не достигли этого. Частично это объясняется смешением народов и различием традиций между городом и деревней на обширных территориях, но есть и предположение, что на востоке Европы мы все еще сохраняем более раннюю стадию процесса заселения расчищенных лесов, чем дальше на запад, а на юго-востоке мы отмечаем сохранение элементов, еще почти не заселенных. Поэтому мы не пожалеем, если попытаемся сделать быстрый обзор эволюции процесса заселения с его вариантами в различных регионах и признаков сохранения различных стадий общего процесса в различных частях, главным образом в Восточной Европе.

Все имеющиеся у нас свидетельства говорят о том, что после вюрмского ледникового периода первыми европейскими народами были охотники, очевидно, распространившиеся из западной части Средиземноморья. К ним следует добавить охотников, которые, по-видимому, распространились вдоль лессового покрова на запад. Эти две группы были носителями ауриньякской и солютрейской культур, о которых говорят антропологи. С тех пор охота остается неотъемлемой частью жизни европейцев, но время принесло слишком много изменений в жизнь и положение охотника, чтобы было целесообразно обсуждать возможности социального выживания столь давних времен. Частичное восстановление ледников (период Бюля) изменило охотничью жизнь; и с этим холодным циклом цивилизации (Магдаленский век антропологов) было связано великое развитие живописного и скульптурного искусства, которое так поразило мир с момента его повторного открытия. Когда холод ушел, на этот раз окончательно, опускание запада превратило Британию и Ирландию в острова и принесло морские влияния далеко на континент, в результате чего леса распространились далеко и широко с волком, медведем, кабаном, дикими кошками и хищными птицами, которые некоторое время спорили с человеком. Зона лёсса и некоторые продуваемые ветром или известковые участки вблизи моря или на холмах оставались относительно чистыми от лесов и достаточно сухими для обитания человека, и на этих территориях люди практиковали искусство пасти животных, переходя с пастбища на пастбище в зависимости от обстоятельств или, все чаще, в соответствии с циклом времен года. Возможно, уже существовали земледельцы, которые начали выращивать ячмень в качестве дополнения к скотоводству или охоте. Однако не стоит утверждать, что начало

земледелия обязательно подразумевает оседание на одном месте; влахи часто сеют и собирают урожай ячменя, не делая более чем временных переездов.

Развитие цивилизации не было чистым и простым развитием скотоводства из охоты, и не было чисто аналогичным по социальным характеристикам племени на лугах. Развитие сопровождалось дифференциацией, и кажется очевидным, что очень рано скотоводство было гораздо более ограничено в передвижении, чем на травяных лугах и в пустынях Азии. Очень рано возникла тенденция к регулярному циклу смены сезонов (*трансгуманность*), а не к широким скитаниям, и наш территориальный инстинкт очень древний.

Вместе с этим утверждением следует и другое, согласно которому земледелие стало дополнением к жизни пастуха почти с самого начала, и мы можем предположить, что часть населения вскоре осталась вблизи более возделываемых земель, чтобы охранять их. Таким образом, ограничение сезонных кочевок для части населения - еще одна очень древняя черта жизни, судя по всему, во многих, хотя и не во всех частях Европы. В Валь-д'Аннивьере, настолько четко обозначенном, что вряд ли могут возникнуть территориальные споры, и в то же время избавленном от разорения дикими зверями, практически все население по-прежнему перемещается вверх и вниз со сменой времен года, хотя и имеет постоянные здания на каждой из своих четырех станций. Уже упоминалось о влахских скитальцах Балканского полуострова, можно также сказать о саамах, чьи передвижения по болотам Скандинавии в прошлом были источником пограничных проблем между Швецией и Норвегией.

С развитием фазы цивилизации, называемой неолитической, в Европе появляются гончарные изделия, что предполагает тенденцию жить на одном месте, по крайней мере, какое-то время, использование определенных видов камня в определенных местах, что предполагает длительную эксплуатацию специального источника, создание очень определенных поселений на швейцарских озерах, развитие растениеводства, ткачества и т.д. их обитателями. Как поселение, так и торговля, по-видимому, указывают на это, но наиболее вероятно, что многие из обитателей озер также использовали весенние пастбища на холмах. Распространение больших каменных памятников и некоторые другие факты указывают на развитие дальней морской торговли в конце неолита и в период, когда медь и бронза распространялись по побережью Европы; а недавно обнаруженная месопотамская табличка, датированная 2800 годом до н. э., приводит факты о дани, выплачиваемой Вавилону из оловянных земель за Великим морем (Испания). Развитие поселений должно было продолжаться и в бронзовом веке, по-прежнему в основном на естественных открытых землях, а не в расчищенных лесах, и примечательно, что, за исключением очень немногих районов, где имеются специальные объяснения, в районах мегалитов нет примеров такого типа деревень, с полосами, когда-то находившимися в общей собственности, который так характерен для районов расчищенных лесов, хотя и не является там единственным типом.

Закалка бронзы была одним из важнейших фактов, повлиявших на продвижение человека в бронзовом веке, и у нас есть множество свидетельств (см. статьи в археологических и антропологических журналах Х. Дж. Э. Пика) того, что человек был способен серьезно атаковать лес еще до того, как бронза уступила место железу. Нападение на лес, несомненно, удвоилось, когда человек приобрел железное оружие, и поэтому ранний железный век стал свидетелем обширного заселения лесных вырубков в Европе к северу от Альп, а вместе с этим и роста кукурузоводства. К югу от Альп потепление климата после ледникового периода способствовало сокращению лесов, особенно в связи с большими участками известняка и резкими склонами, которые всегда препятствовали восстановлению уничтоженного леса.

Средиземноморский регион из-за длительной летней засухи с установлением нынешнего климата стал менее пригоден для выпаса животных и больше подходит для козла, чем для крупного рогатого скота или овец. В результате этого разрушительный козел сократил леса и препятствует их восстановлению. Сложность разведения скота способствовала развитию земледелия, которое, безусловно, очень древнее в Средиземноморье и прошло через несколько этапов, требующих пояснения. Представляется вероятным, что очень рано было заложено выращивание ячменя, вокруг которого постепенно развивались пчеловодство и плодоводство, а олива оказалась бесценным заменителем животного жира. Но прежде чем оливу можно было выращивать в больших количествах, необходимо было провести большую организационную работу, ведь она начинает плодоносить только в возрасте почти восьми лет, а полное плодоношение наступает, когда растение приближается к тридцатому году жизни. Таким образом, ожидание оливы означало наличие определенных резервов и уверенность в поставках продовольствия, например, импортного зерна, прежде чем большая часть земли могла быть превращена в оливковые рощи. Войны и неустроенность работали против оливковой культуры, поскольку риск уничтожения оливковой рощи был тогда серьезным, а последствия - катастрофическими.

Однако если оливковая культура, с одной стороны, была результатом некоторого мира и процветания, то в большинстве случаев она также предвещала дальнейший рост благосостояния; урожай был достаточно гарантирован и чрезвычайно ценен, тем более что его можно было перевозить по морю далеко и широко. Связь культуры оливок с классическим периодом в Греции хорошо известна. Похоже, у нас есть основания связывать рост городов в Средиземноморье с торговлей и распространением крупномасштабной культуры оливок, а также с вопросом обороны.

Как к северу, так и к югу от Альп зависимость человека от зерновых после отказа от молочной и мясной пищи, по-видимому, заставила его желать соли, и поселения раннего железного века в Галлии тесно связаны с источниками соли, а средиземноморское побережье имело широкие возможности для ее получения. К этому времени свинья была одомашнена, и засолка бекона и рыбы давала запас на зиму, но утверждается, что соль была востребована и для приготовления каш и т.д. Вспоминая о ранних поселениях, мы должны помнить, что к северу от Альп в темных лесах таилась вечная опасность, а на юге - суровые горные козлы.

В последнем тысячелетии до нашей эры ухудшение скандинавского климата погнало народы на юг, в Галлию, что привело к росту городов-крепостей, высшими примерами которых стали Алесия, Герговия и Бибракт, а из Галлии строительство этих городов-крепостей распространилось вместе с морской торговлей на западное побережье Британии, где Тре'р Сейри на острове Ир Эйфл в Карнарвоншире представляет собой один из лучших примеров такого типа поселений железного века или романо-британского периода.

Для целей данного очерка нет необходимости вдаваться в подробности усилий римлян, но следует отметить, что в пределах своей империи они распространили выращивание пшеницы, дорожные коммуникации и свою правовую систему, а также, по-видимому, удешевили железо. Все эти изменения помогли привязать людей к земле, заставить соседство занять место родства как основы объединения, укоренить язык в сердцах людей. Именно люди, которые, по словам Цезаря, "питаются и живут", организуются на основе родственных связей, переезжают с места на место и не имеют письменных документов, которые так много делают для закрепления языка.

Таким образом, в Галлии мы видим деревни разных типов в регионах с разной историей и возможностями, но доримские города-крепости и римские города между ними, которые

соединяют страну и дороги, построенные или приспособленные инженерами-завоевателями, и мы отмечаем приживление языковых особенностей, которые не все удары более поздних разрушений смогли выкорчевать. В Британии снова есть деревни разных типов, доримские или романо-британские города-крепости, в основном на мысах западного побережья, римские города, в большинстве своем быстро разрушенные, и римские дороги. Разница в жизнеспособности городов должна быть соотнесена с разницей в языке; римские элементы в нашем языке в большинстве случаев являются результатом более позднего реинтродукционного процесса. Римский элемент в валлийском языке обычно признается важным.

Если распространение сельских франков и англосаксов в бывших римских владениях привело к затоплению старых городов и основанию большого количества деревень, то, во всяком случае, все чаще высказывается мнение, что оно не уничтожило всю преемственность ни в Галлии, ни в Британии, что многое в нашей сельской жизни восходит, как уже говорилось выше, к позднему бронзовому веку. Систему манора, при которой жители деревни несут службу военному защитнику, слишком легко спутать с системой деревни в дискуссиях. Усадьба, имеющая сложное происхождение, характерна для послеримских дней движения и раздоров. Цивилизующим элементом, способствующим развитию сельского хозяйства и права, является церковь, которая с течением веков распространяет свою деятельность за Рейн, за пределы империи, вплоть до пределов Европы Моря, то есть земель, расположенных вблизи Балтики или Средиземного моря, или к западу от линии север-юг у восточных оконечностей этих морей.

Когда после темных веков движения и войн наступило успокоение, предвещавшее Средневековье, мы можем констатировать следующие факты. В Средиземноморье, где культура плодов, города-государства и торговля были уже старыми, этот тип жизни вновь утвердился, хотя разделение жизни на северную и южную стороны (характерное задолго до финикийских времен) моря создавало серьезные трудности.

В Испании конфликт между исламом и христианами тормозил развитие обоих и все откладывал. В обоих случаях военная организация имела нездоровое значение, а мусульмане юга сохранили многое из своей старой социальной схемы, основанной на племени, тогда как им следовало приспособляться к богатым землям Андалусии, которые они удерживали. В результате этих запретов мусульманин стал гораздо более неудачливым в андалузском саду, чем христиане на высотах северной Испании, где сезонные перемещения отар и стад (*траншуманс*) по-прежнему очень важны. Таким образом, мусульмане юга постепенно уменьшались как в цене, так и во влиянии, и хотя в прежние времена они были гораздо более культурными, чем их христианские враги, они сильно отстали в организации до своего покорения в пятнадцатом веке. Тем не менее, следует помнить о возможном ценном наследии мусульман в деталях и отдельных работах. В Галлии земледелие распространилось и улучшилось под руководством монахов; рынки росли под защитой соборов и превращались в городские центры, которые сохранились в качестве характерных рыночных городов Парижского бассейна. После долгих лет соперничества с франкскими диалектами старое римское языковое наследие победило с некоторыми компромиссами и стало *языком д'ойль*, речью Парижского бассейна и верхней Бургундии, а также прародителем стандартного современного французского языка. В Британии, по-видимому, преобладал сельский элемент, пока галльское влияние не стало вновь сильным в XI веке.

В землях за Рейном аббатства развивали сельское хозяйство, города росли спустя некоторое время после того, как соответствующие этапы были пройдены в Галлии, а власть военного лорда была очень сильно выражена. В славянских землях фазы заселения и роста городов

наступают позже, при этом церковь и военачальник находятся в тесной связи, примером чему служат тевтонские рыцари в Восточной Пруссии и включение собора в состав замковых территорий в Праге и Кракове.

Рост городов-рынков и коммуникаций, которые, несомненно, все еще оставались в основном путями для мулов, привел к закреплению языка, о чем говорилось в одной из предыдущих глав. Можно, кстати, отметить, что старые следы мулов сохранились на землях в старомодных уголках, например на Нормандских островах, где они очень многочисленны и могут образовывать кольца вокруг земельных участков более важных домов. Рост рынков сближал соседей, ослаблял диалектные различия и тем самым способствовал слиянию местных групп в нации на основе общего языка и общих традиций, выраженных в растущей поэзии и прозе на развивающихся языках. На фоне этих влияний следует выделить римское наследие универсализма, которое так энергично представляла церковь и которому так старалась подражать Священная Римская империя.

Бедность сельских жителей и их слабость перед лицом опасностей леса и его странников, разбойников и авантюристов - выдающийся факт развития следующей фазы. Не было достаточной свободы для сельскохозяйственных экспериментов, за исключением некоторых случаев в монастырских садах, и не хватало знаний для полезных обсуждений, поэтому методы возделывания оставались в тисках обычая, с изменениями, связанными с распространением трехпольной системы. Даже залежь не могла поддерживать землю на должном уровне плодородия.

Поэтому традиционное земледелие на землях, находящихся в общей собственности или обрабатываемых жителями деревни, постоянно находилось под угрозой разрушения, и, несомненно, суровые климатические условия и чума в XIV веке внесли свою лепту в распад старого уклада жизни. Жалобы на снижение рождаемости были слышны повсюду, и конец Средневековья стал свидетелем распада старой деревенской системы на западе. Торговля и путешествия первооткрывателей стали дополнительными источниками богатства, и на их основе возникли зачатки крупной промышленности. В Восточно-Центральной Европе перемены задерживались отчасти потому, что там еще оставалось много лесных земель, которые нужно было приспособить, но в основном из-за поглощенности людей борьбой с турками и татарами. Однако и там старая деревенская система в конце концов пришла в упадок, и только в центральной России она сохранилась среди славянских народов, которые почти до сих пор, с одной точки зрения, могут рассматриваться как колонисты, распространяющиеся в лесах и на границах Московии.

Из земель к северу от Средиземноморья Франция была наиболее благоприятна в сельскохозяйственном отношении и больше всего обязана римскому наследию единства, и здесь выросла *великая нация*, в то время как дальше на восток национальный рост задерживался в основном из-за попыток имперского единства, созданного как средство защиты от турок и татар. Национальный рост в изолированных или полуизолированных землях, таких как английская равнина, Голландия, Швеция и центральная шотландская низменность, также был характерен, в то время как разнообразие взглядов на различные побережья Ирландии и слабость внутренних районов этой страны сделали Зеленый остров трагическим типом острова, который так обычно разобщен.

Деревенские жители с общими землями уступили место, со многими трудностями, землевладению собственников с рабочими под их началом, и если в Британии рабочий стал безземельным и таким образом превратился в корм для машин во время промышленной революции, то во Франции он боролся за сохранение своей связи со священной почвой этой

солнечной страны и в конечном итоге завоевал свое положение собственника в революции конца восемнадцатого века. Эти перемены ощущались вплоть до Рейна, за которым крестьянин все еще оставался объектом тяжелых сеньориальных повинностей.

Утверждается, что во время недавней войны на землях у восточной границы Европы-моря произошел большой сдвиг в сторону крестьянского землевладения или чего-то похожего на него, продолжая, так сказать, на восток дело, сделанное сто лет назад во Франции.

Фактов упадка старых деревенских общин множество, и их невозможно даже перечислить, но можно обратить внимание на распространение корнеплодов (для зимнего питания людей и животных) в XVII и XVIII веках. Это способствовало материальному разрушению традиционализма, поскольку нарушило старое право жителей деревни на свободный выпас всего деревенского скота на стерне, оставшейся после уборки урожая: земли с корнеплодами должны были оставаться огороженными. О новом богатстве, принесенном индивидуальной собственностью, корнеплодами и другими сельскохозяйственными экспериментами, свидетельствуют фермерские дома XVII и XVIII веков; особенно характерны постройки 1720-60 годов или на Гернси, Нормандские острова. Но проблема плодородия не была решена, даже несмотря на вспашку бобовых культур и ускорение химического разложения почвы путем известкования. Торговля и дальние морские путешествия занимали все больше места в жизни европейских народов, а промышленность становилась все более крупной, так что городской элемент приобрел огромную численность и влияние. Таким образом, мы имеем картину предисловия к промышленной революции, но другая серия изменений работала на ту же цель.

Распространение привычки к морской торговле из Средиземноморья на северо-запад Европы привело к изменениям в конструкции и строительстве кораблей. К середине семнадцатого века старые трудности, связанные с болезнями из-за вонючей трюмной воды, были в основном преодолены, и корабли стали строиться с лучшими пропорциями для скорости и маневрирования, а в начале восемнадцатого века произошла полная адаптация передне-заднего паруса и использование красного дерева и других твердых пород тропического дерева для корабельной мебели, а также для домашней мебели. Вместе со всем этим увеличились размеры и скорость кораблей, а также способность эффективно ходить галсами и, в целом, следовать курсу даже при переменчивых ветрах. Со всей этой новой мощью, а также с развитием вооружений, Европа оказалась в состоянии эксплуатировать другие части земли, населенные другими расами, менее хорошо оснащенными. Постепенно, почти внезапно, они стали производителями сырья, продуктов питания и удобрений для значительно увеличившегося населения индустриальной Европы, которое начало кишеть в промышленных городах, когда к европейскому оборудованию добавились уголь и паровые машины.

Вместе с этим промышленным развитием началось националистическое возрождение, о котором уже упоминалось в нескольких местах (стр. 23, 33, 35, 49, 62-3), культурное движение, которое в XIX веке стало политически озлобленным и которое через свои империалистические отростки в Англии, Германии, Франции и России стало основным фактором недавней войны.

Аспекты современной Европы

Промышленная революция сначала произошла в Англии. Этому способствовали безземельные рабочие, неопределенные урожаи, отход от римской традиции во время религиозного раскола, рост морской мощи и торговли, а также изобретение Джеймса Уатта. Необходимый уголь находили в местах, в основном удаленных от великих центров английской традиции, а промышленность развивалась там, где гражданское наследие было слабым, а земли, даже общие земли рыночных городов, были обременены собственниками, которые также часто заменяли монахов Средневековья в качестве землевладельцев, не пытаясь выполнять их другие функции. Рост наших огромных промышленных агломератов на частных землях с олигархическим правительством землевладельцев, а с 1830 года - владельцев фабрик и их компаньонов, естественно, привел к политике невмешательства, так что скученность была разрешена и даже поощрялась, а трущобы, которые сегодня ухудшают качество населения, Это неизбежный результат, который влечет за собой практически все самые серьезные социальные проблемы современности: замедление роста и мышления, тягу к волнениям и эмоциям вместо мысли, эстетическую деградацию, которая влечет за собой потерю интереса к работе. Компенсировать это можно только огромным накоплением прибыли в виде мобильного капитала, так много которого было вывезено в космос в 1914-18 годах. Накопление капитала, надо признать, было бы гораздо меньше, если бы не то, что промышленное превосходство и превосходство торговли носильщиками оказались, как уже говорилось выше, тесно связанными в одном и том же народе.

Из Англии революция распространилась вдоль угольного пояса через северную Францию и Бельгию, Германию, Богемию и Польшу в Россию, с характерными изменениями от региона к региону, в соответствии с местными условиями и социальным наследием людей, которых она затронула. Но прежде чем перейти к рассмотрению этих различий, важно осознать одно общее изменение, которое имеет множество аспектов. В старой деревне, где закон основывался на обычаях соседей, каждый занимал свое место, если его не изгоняли: статус человека был очень важен и его нелегко было изменить. В Англии рабочий стал безземельным, перебрался на фабрики, заключил контракт на свой труд и тем самым изменил организацию общества, превратив его из организации, основанной на статусе, в организацию, основанную на контракте. Это изменение продолжается до сих пор, и остатки старых представлений о статусе упорно борются с такими мерами, как пошлины на смерть, сверхналог и другие, которые все направлены на то, чтобы сделать труд, пусть даже замаскированный, основным средством обмена. Эта большая перемена от статуса к контракту затронула всю индустриальную Европу и распространилась в виде брожения перемен далеко за пределы нашего континента, но в Европе эти перемены едва ли зашли так далеко, как в Британии.

Во Франции угля было гораздо меньше, чем в Англии, и борьба за землю шла в пользу крестьянства, а не плутократии, как у нас. Оба эти факта, дополненные солнечным климатом, сделали промышленную революцию во Франции гораздо более слабой. Древность и непрерывность жизни в рыночных городах привели к сохранению мелких производств, часто с очень давними личными связями между мастером и рабочими; поэтому трудности, связанные с обезличенностью промышленной организации, от которых мы так страдаем в Британии, менее распространены во Франции, хотя там также есть ограниченные компании,

с которыми приходится бороться. Богатство страны на протяжении многих веков способствовало развитию высококлассного - можно сказать, роскошного - производства, характерными продуктами которого являются ювелирные изделия, фарфор и шелк.

Еще одной особенностью является сохранение особых линий качества в торговле тканями, но в целом история французской промышленности была лишь половинчатой. По Версальскому договору во французский Таможенный союз ввозится огромное количество железной руды, так что Франция становится крупнейшим европейским производителем железных ископаемых, хотя ее угольные запасы недостаточны. Остается только догадываться, будет ли французский народ в связи с этим развивать промышленную деятельность, а также станет ли он активнее использовать гидроэлектроэнергию, которой располагает на своей территории.

Фламандцы имеют давние промышленные и торговые традиции, гораздо менее оторванные от крестьянской жизни, чем в нашей стране. Их валлонские соседи, напротив, вошли в индустриальную жизнь недавно, и их страна внезапно превратилась из отсталой сельской местности в очень оживленную производственную, использующую большое количество импортного сырья. В силу давних традиций люди занимались земледелием и скотоводством, и они пытаются в какой-то мере сохранить это занятие, а защитная таможенная пошлина на мясо поддерживает скотоводство. Еще одна традиционная (фактически расовая) черта здесь - гений сотрудничества, который проявляется в широко распространенных страховых программах, поддерживаемых народом.

Среди немцев фон промышленного развития сильно отличался от того, что мы отмечали в Британии. Там, где долины рек уходят с холмов на северную равнину, находятся старые города, обладающие большим достоинством и славой, и хотя после упадка Ганзы они несколько пришли в упадок, они были достаточно сильны, чтобы сохранить свои общие земли и традиции городского управления со времен Средневековья. В этой зоне был найден уголь, и она стала индустриальной, но новое движение должно было уважать города, которые часто росли на общественных землях. Старый город Нюрнберг развивал индустриальные изыски на основе ремесленного производства, которое во многом было связано со старым бизнесом по распространению товаров с Востока, доставляемых из Венеции в его. Таким образом, в Германии не наблюдалось ни общего роста трущоб, как в Британии, ни накопления огромных прибылей от развития трущоб, которые можно было использовать в качестве ликвидного капитала для спекулятивных целей. Более того, промышленные усилия в Германии совпадали с усилиями по превращению Германии в настоящее национальное государство, и каждое движение влияло на другое. Много внимания уделялось вопросу о национальном балансе, а промышленность была призвана помочь сельскому хозяйству, превращая отходы производства в удобрения. Таким образом, хотя Германия переживала такой же отток населения в города, как и Британия, ее сельское хозяйство оставалось в гораздо более сильном положении, чем наше, а вместе с ним и вероятность лучшего поддержания качества людей. Растрата ресурсов на войну, недоверие, вызванное агрессивными интригами, потеря территории и полезных ископаемых, а также потеря здоровья людей из-за блокады - все это влечет за собой изменения в положении немецкого народа, последствия которых трудно предугадать.

Немецкая промышленность в больших количествах использовала польскую рабочую силу и была сильно обеспокоена славянским потоком, текущим на запад, который, как утверждалось, изменял характер немецкого народа. С другой стороны, немецкое организационное течение текло на восток и юго-восток, и во второй половине XIX века промышленная лихорадка достигла больших успехов в Богемии, Австрии, Верхней Силезии и

Польше. В Богемии она подчеркивала различия между немецкими и славянскими элементами народа; в Верхней Силезии и в Польше немцы были в основном в городах, особенно в руководящем классе, и часто разница в языке и настроениях между хозяевами и людьми была очень нежелательной чертой.

Польские промышленные центры, соответственно, были печально известны своими плохими социальными условиями до войны.

Промышленная лихорадка распространилась на Россию, и о ее проникновении в эту страну мы можем узнать из книги Кропоткина *"Поля, фабрики, и мастерские"*. Это была страна с ярко выраженными сезонными циклами, и часто поначалу мануфактура становилась зимним занятием, и некоторые надеялись, что это спасет многих людей от некоторых бед суровой русской зимы. В Украине поляки, по-видимому, в значительной степени занимались организацией промышленности, и естественно, что немецкий опыт оказал на них большое влияние. Было сказано, что кооперативные, даже коммунистические, традиции народа во многом объясняют форму организации промышленности, отличительной чертой которой являются гильдии или артели. Стоит ли говорить, что при царе, когда транспорт был плохо развит, образование заброшено, а самоуправление невозможно, российская промышленность была сомнительной по эффективности, а социальные условия - плохими. Однако не стоит забывать, что промышленность только зарождалась.

Помимо основной зоны промышленности, которую мы сейчас проследили вдоль угольной зоны от Британии до России, предпринимались попытки вблизи небольших угольных месторождений в других местах, а иногда и вдали от угля, чтобы получить часть богатства, которое приносила промышленность. Однако примерно в 1895 году гидроэлектрическая энергия стала передаваться на большие расстояния и, таким образом, стала гораздо более применимой. Это привело к появлению новых промышленных регионов в Скандинавии и вокруг Альп. И Швеция, и Норвегия используют эту энергию, и она принесла огромную пользу, особенно Норвегии. В случае Норвегии слабость классовых различий привела к тщательной организации хороших социальных условий, несмотря на серьезные трудности, связанные с очень ограниченными площадями. В Швейцарии, Южной Германии и Италии до 1914 года использование гидроэлектроэнергии создавало ценную общность интересов и проблем, которая объединяла весь регион, а Швейцария становилась экономически сильной в такой степени, о которой раньше и не мечтали. За послевоенными событиями нужно будет следить внимательно и широко. Гидроэлектрическая энергия развивалась в довоенной Франции и, вероятно, окажет большую помощь этой стране, если социальная сторона будет более тщательно продумана, чем на ранних этапах движения. Утверждалось, что гидроэлектрическая система может быть создана по всему Пиренейскому плато, и, как говорят, в последнее время кое-что было сделано для ее развития. На Британских островах только несколько точек могут дать достаточно энергии, чтобы сделать установку экономически успешной при нынешнем уровне знаний, так что в эпоху водной энергетики Британия будет занимать незначительное место. В настоящее время кажется сомнительным, что эта форма энергии станет чем-то большим, чем просто вспомогательным средством. Примечательно, что в Альпийском регионе благодаря населению, склонному к терпеливой детальной работе, удалось создать индустрию тонких электрических машин, частично развитую на основе старой традиции часового дела.

Вопрос об использовании энергии приливов и отливов обсуждался, и была разработана схема для устья реки Северн, а также для северного побережья Бретани. Если в будущем эта линия развития будет продолжена, то положение Великобритании и сила приливов и отливов в некоторых точках окажут существенную помощь.

Однако в настоящее время модной силой является нефть, которой, насколько известно, у Британии очень мало, и в которой вся Западная Европа также бедна. Но нефть довольно легко транспортировать, и транспортные возможности Западной Европы используются для освоения источников нефти в тех местах, которые еще не входят в сферу влияния Соединенных Штатов Америки. Как бы это ни было завуалировано, это в любом случае свидетельствует о растущей зависимости Европы от других регионов в плане обеспечения ее промышленности. Большое количество сырья теперь поступает из-за пределов Европы, и если энергия также приходит издалека, преимущества Европы будут ограничены ее климатом в его отношении к эффективности, ее капиталом, ее традициями мастерства, которые она поставила под угрозу благодаря огромному количеству специализации, развитой среди ее рабочих, и ее владением и контролем над морским транспортом. В этом последнем вопросе следует отметить, что огромный прогресс, достигнутый Соединенными Штатами Америки, похоже, не полностью сохраняется.

В ближайшем будущем неисчислимая водная энергия, доступная в муссонных землях, огромные и легко обрабатываемые залежи угля в Шаньси (Северный Китай), уголь и нефть, доступные в Соединенных Штатах Америки и вблизи них, огромная водная энергия, которая может быть использована в некоторых частях Америки, возможности приливной энергии во многих регионах и производство энергетического спирта из экваториальной растительности - все это интересные факторы ситуации, шаткость которой для густонаселенных районов Западной Европы очевидна для всех. С их организацией, основанной на умении и терпении, народы Центральной Европы вполне могут продолжать осваивать, возможно даже эксплуатировать, русские и туранские земли на своем восточном фланге, поскольку эти последние, по-видимому, не станут промышленными в течение некоторого времени. С другой стороны, китайско-японское развитие промышленности в больших масштабах всегда возможно, и, если им разумно управлять, оно должно опираться на мастерство, вкус и честность китайского купца, а также на искусную промышленность китайского рабочего, чья бережливость и жизнерадостность сделают его грозным конкурентом. Таким образом, признаки времени говорят в пользу того, что промышленное первенство перейдет к Европе, как бы ни старались политики отсрочить это изменение.

Прежде чем продолжить эту мысль, лучше упомянуть о некоторых сопутствующих событиях в Европе и других странах, на которые индустриализм влияет более косвенно. Огромное население фабрик нуждается в пище, и импортные поставки продовольствия в Европу представляют собой огромную проблему. Зерно и некоторые фрукты можно перевозить с легкостью, но фабричным рабочим и особенно шахтерам и печникам нужно мясо, и хотя мясо можно перевозить в холодильниках или живым, все же импортное мясо страдает при транспортировке. Поэтому Австралия, Аргентина и другие регионы очень заняты поставками животноводческой продукции, а в Европе есть чем заняться животноводством и молочным животноводством. Голландия и Дания специализируются в этом вопросе, а последняя еще до 1914 года превратилась в центр молочной продукции из Голландии, Литвы и даже России. При политическом и социальном мире Ирландия, несомненно, будет развиваться подобным образом. Некоторые горные регионы, такие как Центральная Франция и часть Швейцарии, также занимались животноводством и, вероятно, будут процветать в этом направлении, если европейская промышленность сохранится.

В Швейцарии на высоких уступах пастбищ или в Альпах весной после таяния снега вырастает замечательный урожай сена, и это дает преимущества перед нашими британскими высокими землями. Для их лучшего использования необходимо улучшить породы трав, и в Уэльсе проводятся важные эксперименты в этом направлении. В горных районах Шотландии

население быстро сокращается, и таким образом Британия теряет ценнейший элемент в своем населении, элемент, обученный переносить трудности и традиционно заинтересованный в серьезных размышлениях.

Большие финансовые ресурсы индустриального населения и бережливость, неизбежно развивающаяся в условиях его жизни на нынешнем анархическом этапе, приводят к спросу на роскошные продукты, цветы и прочее, и Голландия и Нормандские острова являются заметными поставщиками этих товаров. Увеличение количества тонкой техники и другие факторы позволяют с уверенностью утверждать, что оливковое масло еще долгое время будет иметь хороший рынок сбыта, даже если наряду с ним будет использоваться ореховое масло. Оливковое масло и фрукты открывают возможности для Средиземноморья.

Таким образом, практически каждая часть Европы прямо или косвенно вовлечена в процесс промышленного развития, и все они все больше зависят от внешнего мира, как бы ни старался немецкий народ сохранить свое сельское хозяйство.

Эта зависимость и шаткость промышленного положения Европы, а также тот факт, что при определенных усилиях и доброй воле народы Европы могли бы понять друг друга, особенно учитывая их общий долг перед римским наследием, делают немыслимым то, что практически гражданская война может быть терпима в Европе еще долго. До 1914 года лейбористское движение явно работало над ослаблением идеи национального государства и его суверенитета, но события 1914 года показали, что это движение еще не овладело воображением людей. Новое движение Лиги Наций является свидетельством развития той же линии мысли среди мыслителей континента и медленно набирает обороты благодаря созданию институтов с законами для их руководства и обещанию роста числа юристов, заинтересованных в поддержании этих институтов так же, как юристы национальных государств были заинтересованы в поддержании этой формы организации. Лиге пришлось взять на себя решение вопроса об отношениях Европы с дальними странами, и она отстаивала принцип опеки, судьба которого трепещет на волоске. Более обнадеженные европейцы видят признаки роста сотрудничества, и находят их даже в отношениях между Францией и Германией. Великобритания разрывается между позициями солидарности с Европой и отстраненности от нее и ассоциации с далекими странами английской речи. Возможно, усовершенствование схемы Лиги Наций или ее преобразование после обсуждения с лидерами Соединенных Штатов Америки даст возможность положить конец этой дилемме, примирив обе цели.

В этом кроется одна из величайших надежд на спасение цивилизации, хотя другая проблема Британии - спасение ее населения от дегенеративных тенденций, вызванных индустриализмом, - столь же настоятельно требует решения, если мы хотим, чтобы мир во всем мире развивался. То, что промышленность должна распространяться, что каждый народ должен поддерживать сельскохозяйственное происхождение, и что народы Европы должны найти средства для сотрудничества в вопросах импорта из тропиков, организации транспорта и условий труда, должно быть надеждой всех, кто серьезно думает о будущем, даже если это означает отказ от амбиций власти, которые в менее критические времена маскировались под плащом патриотизма. Это не означает уничтожение патриотизма, а скорее его облагораживание в страсть к благополучию и здоровью будущих поколений народа, к обогащению каждого наследия языка, литературы, традиций и искусства активными усилиями, к росту той терпимости, которая является сопровождением самоконтроля и сопутствующих ему свободы и мира.

[ПРИМЕЧАНИЕ: Автор выражает самую искреннюю благодарность своим друзьям и коллегам по работе в соответствующих областях исследований, особенно мисс Р. М. Флеминг и мистеру Х. Дж. Э. Пику, а также покойному профессору В. Джуффрида-Руджери].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Среди важнейших справочных трудов общего характера следует назвать главные энциклопедии, *"Универсальную географию"* Реклю (также на английском языке), *"Международную географию"*, *"Универсальный географический словарь"* (В. де С. Мартин). Здесь также следует упомянуть *"Антропогеографию"* Ратцеля и *"Географию человека"* и *"Географию человека Франции"* Брунса. В книге Боумана *"Новый Свет"* есть прекрасная коллекция карт, относящихся к политическому переселению Европы.

По расовым вопросам стандартной книгой является знаменитая работа У. З. Рипли *"Расы Европы"*, дополненная *"Европой"* Г. Серджи на итальянском языке и рядом статей Кита, Парсонса, Пике, Флера и других в *"Журнале Королевского антропологического института"* за последние десять лет. Доктор Хаддон и миссис Квиггин выпустили ценный пересмотр книги Кина *"Человек, прошлое и настоящее"*. *Археология* Дешелетта является стандартной работой в своей области и может быть дополнена *"Предысторией"* Буркитта и *"Археологией"* Макалестера.

Изучение языков и их распространения можно начать с книги А. Мейе *"Языки в новой Европе"* и Л. Доминиана *"Границы языка и национальности в Европе"*. Из этих книг можно составить библиографию, соответствующую целям студента.

Эволюция социальных условий в Европе настолько сложна, что до сих пор не получила синтетической обработки, но некоторые предварительные попытки полезны при критическом прочтении. Среди них можно отметить *"La Science sociale"* и *"Comment la route crée le type social"* Демюлина, *"Histoire de la Civilisation en Europe"* Гизо, *"Взаимопомощь"* Кропоткина, *"Поля, фабрики и мастерские"* и *"Мемуары революционера"*, а также работы Дженкса, такие как *"Маленькая история политики"* и *"Города в эволюции"* Геддеса.

Невозможно дать адекватный список книг по отдельным регионам, но следующие будут полезны для различных частей континента, вовлеченных в недавние договоры:

Р. Видаль де ла Блаш, *Tableau de la Géographie de la France*; P. Vidal de la Blache, *La France de l'Est*; R. Blanchard, *La Flandre*; H. J. Mackinder, *The Rhine*; *Atlas de Finlande*; P. Leroy Beaulieu, *The Empire of the Tsars*; A. B. Boswell, *Poland and the Poles*; J. Cvijic, *La Péninsule balkanique*; M. I. Newbigin, *Geographical Aspects of Balkan Problems*; M. E. Durham, *The Burden of the Balkans*; E. de Martonne, *La Valachie*; A. Philippson, *Das Mittelmeergebiet*; D. G. Hogarth, *The Nearer East*.

Дополнительные рекомендации к книгам о регионах Европы можно найти в ценных справочниках, выпущенных британским правительством в двух сериях: справочниках, изданных разведывательным отделом Адмиралтейства, и справочниках, изданных историческим отделом Министерства иностранных дел.

Читатель, интересующийся некоторыми проблемами, может обратиться к книгам "География и мировая держава" Дж. Фэргрива, "Демократические идеалы и реальность" Х. Дж. Макиндера, "География человека в Западной Европе" Х. Дж. Флера и "Границы" К. Б. Фосетта.

В стандартных журналах опубликованы важные статьи Хинкса, Лайда, Ньюбигина и других о пересмотре границ европейских государств, а среди книг, посвященных новой Европе, можно упомянуть "Экономические последствия мира" Дж. М. Кейнса, "Новый мир" И. Боумена, "Послесловие" М. И. Ньюбигина и "Договорное урегулирование в Европе" Х. Дж. Флера.

Новый атлас "Таймс" бесценен, а в историческом плане его можно дополнить, используя известные исторические атласы Ф. Шрадера, Пула, Рамсея Мьюра, Дьерке и других. Несколько ценных карт есть только в "Генеральном атласе" Видаля де ла Блаша.

ОТПЕЧАТАНО В АНГЛИИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

